

Джон Генри Ньюмен

Эссе о развитии христианского
вероучения

В переводе Малимоновой С.А.

Кардинал Джон Генри Ньюмен

**Эссе о развитии
христианского вероучения**

«Автор»

2019

Ньюмен К.

Эссе о развитии христианского вероучения / К. Ньюмен —
«Автор», 2019

«Эссе о развитии христианского вероучения» – самая известная в католическом мире работа кардинала Д.Г. Ньюмена (1801 - 1890), главный труд его жизни, в котором он поставил своей целью исследовать проблему истинности или ложности изменений, происходящих в традиционном христианстве. Его теория развития христианского вероучения оказала огромное влияние на католическое, протестантское и православное богословие, а также на религиозную философию XX века. Большое влияние она оказала и на решения II Ватиканского Собора. Книга будет полезна для широкого круга читателей, интересующихся развитием традиционного христианства.

© Ньюмен К., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие переводчика	5
Введение	7
Примечания	21
Часть 1. Догматическое развитие как таковое	23
Глава 1. Развитие идей	23
§ 1. Процесс развития идей	23
§ 2. О видах развития идей	27
Примечания	33
Глава 2. Априорный аргумент в развитии христианского вероучения	34
§ 1. Развитие вероучения, которое предполагается	34
§ 2. Непогрешимое проявление авторитета, которое ожидается	45
§ 3. Существующие проявления вероучения как вероятное выполнение ожиданий	52
Примечания	55
Глава 3. Об историческом аргументе в пользу существования развития	57
§ 1. Метод доказательства	57
§ 2. Состояние доказательства	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Кардинал Джон Генри Ньюмен

Эссе о развитии христианского вероучения

Предисловие переводчика

Джон Генри Ньюмен – выдающийся английский католический богослов, философ и литератор XIX века. Главным предметом его философских и богословских исследований была проблема осмысления изменений, которые происходят в вероучении Церкви, ее иерархическом устройстве и практических формах жизни. Его интересовал вопрос: истинны или ложны эти постоянно происходящие изменения, нужны ли изменения вероучения, или же необходима его полная неизменность? Важными этапами для развития мировоззрения Д. Г. Ньюмена стали некоторые события его жизни. Он был одним из основных участников так называемого Оксфордского движения, которое, проповедуя «теорию Трех Ветвей» апостольского преемства Единой Кафолической Апостольской Церкви (Римской Церкви, Восточной Православной Церкви и Англиканской Церкви), стремилось обосновать равноправие Англиканской Церкви (к которой Ньюмен тогда принадлежал) с двумя другими Ортодоксальными Церквями. Англиканскую Церковь Ньюмен в то время отличал от других протестантских Церквей, он считал, что для ее равноправия с Ортодоксальными Церквями необходимо лишь укрепить ее религиозную доктрину и исправить некоторые искажения, что отразилось в *Tracts for the Times*, 1833 – 1841, *Lectures on the Prophetical Office*, 1837, и в других его произведениях, целью которых он ставил уменьшение протестантского либерализма в религиозной мысли Англиканской Церкви и актуализацию истины древнего Христианства. Но поиски истины и искажений привели его к смене вероисповедания, и, оставив значительный след в развитии англиканского богословия, Д. Г. Ньюмен в 1845 г. перешел в Католичество, считая его менее измененным, менее искаженным в угоду времени и более близким к святоотеческому богословию христианской Церкви, изучением которого он занимался многие годы своей жизни.

Главным трудом, в котором Ньюмен подвел итог всем своим исследованиям по данной теме, в котором он решал проблему истинности или ложности изменений, происходящих в Христианстве, является одновременно и самая известная его работа, «Эссе о развитии христианского вероучения» (*An Essay on the Development of Christian Doctrine*, 1845), где он сформулировал и доказал теорию развития христианской доктрины. Эта работа и представлена русскоязычному читателю.

При формулировании своей теории Ньюмен во многом опирается на труды таких известных английских богословов, как Гиббон, Барроу, Булл, Чиллингворт и др., нередко использует отличающуюся по переводу в некоторых местах Библию короля Якова при приведении цитат из Священного Писания. Иногда он пишет о Католической Церкви, как бы наблюдая ее извне, будучи в то время еще принадлежащим к Англиканской Церкви.

Обдумывая проблему неизменности, изменений и искажений в Христианстве, Ньюмен устанавливает сначала сам факт «развития» вероучения, подчеркивая, что для понимания вероучения Церкви очень важен исторический подход, которого нет у протестантов. Взгляды Ньюмена на догматическое развитие изменялись в процессе формулирования теории. Сначала он использовал идею догматического развития только для эпохи Патристики, считая любое добавление к учению Церкви в более поздние периоды только его искажением. Затем он пришел к выводу, что христианское вероучение развивалось и развивается постоянно. Развитие осуществляется следующим образом: вероучение Апостолов уже содержало в себе всю полноту божественной истины, но с течением веков оно все более разъяснялось и уточнялось. Ньюмен утверждает, что любая идея развивается в течение определенного времени, проходя

через умы сразу многих людей. Христианская «идея» была воспринята соборным сознанием апостольской Церкви, отразилась в нем, и только через некоторое время стало возможным ее вербальное выражение. Именно этот процесс и происходил и происходит в Церкви, когда она формулирует свои догматические определения.

Кардинал Ньюмен также ставит вопрос о соотношении догматического развития и «искажения вероучения». Неискаженное развитие вероучения, по его мнению, должно сохранять в себе первоначальную идею в ее абсолютной полноте и быть подтверждено временем. Он выделяет семь признаков (notes) истинного развития христианской доктрины, отличающих его от искажения (corruption):

1. Сохранение его образца (Preservation of its Type).
2. Преемственность его принципов (Continuity of its Principles).
3. Сила ассимиляции (Assimilative Power).
4. Логическая последовательность (Logical Sequence).
5. Предвидение его будущего (Anticipation of its Future).
6. Консервативное отношение к его прошлому (Conservative Action on its Past).
7. Постоянная законность (Chronic Vigour).

Перечисленные признаки для определения истинности развития христианского вероучения, согласно Ньюмену, могут использоваться только все вместе.

Главные догматические определения Христианства, созданные в первые века его существования на Вселенских Соборах, Ньюмен не подвергает сомнению. Он не сомневается даже в тех из них, которые вызывают споры и, как считается, являются причиной великой схизмы (речь идет о филиокве), но лишь объясняет смысл их появления.

Теория догматического развития Ньюмена допускает появление в Церкви абсолютно нового, на первый взгляд, знания о вероучительных истинах через последовательное выявление и формулирование новых догматов на основе существующих.

В целом, несмотря на то, что богословие кардинала Ньюмена нередко подвергается критике, его теория принята Католической Церковью. Более того, она оказала заметное влияние на все вероучение Католической Церкви и, в частности, на решения Второго Ватиканского Собора. 19 сентября 2010 г. Папа Бенедикт XVI причислил кардинала Д.Г. Ньюмена к лику блаженных.

Необходимо также сделать несколько замечаний относительно перевода.

1. Само слово развитие в переводе всегда в единственном числе, но Ньюмен употребляет это слово, как правило, во множественном числе (developments), что очень важно отметить, потому что Ньюмен предполагает развитие сразу во многих умах и во многих направлениях.

2. Ньюмен все время пишет о Католической Церкви, но Catholic переведено в разных местах как Католическая, Вселенская или Ортодоксальная Церковь, в зависимости от контекста.

3. Ради расширения круга читателей данной книги:

– добавлены ссылки на цитаты из Священного Писания, упоминаемые в тексте, в том числе, на Библию короля Якова;

– приведены значения некоторых терминов, употребляемых в католическом богословии;

– переведены некоторые латинские слова и выражения, используемые автором;

– приведен список философов и богословов, имена которых упоминались в тексте.

Надеюсь, что книга будет полезна не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, интересующихся развитием традиционного Христианства и религии в целом.

Малимонова С.А.

Введение

Христианство в истории.

Историческое Христианство как не Протестантизм.

Англиканская гипотеза.

– Правило Винсента Леринского.

– Учение о Троице.

– Чистилище и Первородный грех.

– Евхаристия и Папское Верховенство.

Другая гипотеза: *Disciplina Arcani*¹.

Разрешение затруднений.

Примечания.

Христианство существует достаточно долго в мире, чтобы определить наше отношение к нему, Христианство – факт мировой истории. Его дух и характер, его вероучение, принципы и задачи не могут рассматриваться как вопросы частного суждения или мнения без того, чтобы мы разумно не приняли само Христианство во внимание как государственные институты Спарты или как религию Мухаммеда. В самом деле, Христианство можно законно сделать темой для исследований, выяснить, каково его этическое и политическое превосходство, какое место его идеи и факты занимают в ряду идей и фактов, которыми мы обладаем, будь то божественные или человеческие, оригинальные или компилятивные, или те и другие вместе, насколько эти идеи благоприятны для цивилизованного мира или для литературы, и является ли Христианство религией на все времена или только для определенного состояния общества. Все эти вопросы основаны на фактах или на признанных объяснениях этих фактов, и они принадлежат к области мнений; однако, они относятся к какому-то факту, обращаются к какому-то определенному факту, который должен быть установлен, как и другие факты, и, несомненно, все эти вопросы должны быть выяснены, чтобы свидетельство многих веков не стало бессмысленным. Христианство не является просто теоретическим или монастырским учением. Оно уже давно вышло за рамки буквы документов и рассуждений отдельных умов и стало общественным достоянием. Его голос «по всей земле прошел»², и его слова дошли «до пределов вселенной»³. Оно с самого начала имело объективное существование, оно охватывало огромное множество людей. Его дом всегда находился в мире, и чтобы понимать, что же оно собой представляет, мы должны искать его в мире и прислушиваться к свидетельствам мира о нем.

2.

В последнее время получила широкую известность гипотеза, что Христианство якобы не является частью истории, что оно в каждом человеке разное, и каждый человек имеет мнение о том, что есть Христианство, и нет ничего более этого, и что поэтому Христианство является фактически собирательным названием группы или семьи конкурирующих религий, всех вместе взятых, религий, расходящихся друг с другом, но претендующих на одно и то же имя, не потому, что у них не может быть одного и того же вероучения, общего основания для них, а потому, что для них здесь и там могут быть найдены определенные совпадения, одни или другие, с помощью которых каждая из этих религий, в свою очередь, связывает то или иное завершённое учение. С другой стороны, иногда считается или подразумевается, что все существующие конфессии Христианства неправильные, что ни одна из них не представляет учение так, как учил Христос и Его Апостолы, что первоначальная религия постепенно разложилась

¹ Лат., первохристианское учение о сакральном.

² Рим. 10:18.

³ Рим. 10:18.

и стала безнадежно испорченной, более того, что она умерла во время своего рождения и была немедленно заменена подделками, которые взяли себе ее имя, унаследовав, в лучшем случае, лишь некоторые фрагменты ее вероучения, а скорее, могут даже сказать, ничего не унаследовав из ее вероучения, т.к. оно либо само распалось, либо умерло, и поэтому историческое Христианство не имеет самостоятельной сущности, но с самого начала оно было не более чем простой компиляцией доктрины и практики из внешних производных, т.е. из восточных религий, Платона, политеистических источников, Буддизма, Ессейства, Манихейства. Или, есть еще идея, что истинное Христианство до сих пор существует, но оно скрыто и замкнуто в сердцах избранных, или, есть еще другая идея, что как литература или философия оно не достоверно, оно не гарантировано было Откровением с Небес, а было лишь одним из всевозможных отдельных сведений о Верховном Существом и человеческом долге, которые неведомое Провидение посылает нам обычно в природе или в мире.

3.

Подобные взгляды на Христианство означают, что нет достаточного корпуса исторических доказательств, который бы опровергал или хотя бы превосходил какое-то количество свободных и независимых гипотез о нем. Но это, конечно, не является очевидным, а само требует доказательств. И до тех пор, пока положительные доводы, основанные на фактах, не будут приведены к обратному, наиболее естественные гипотезы, наиболее приемлемые для нас методы исследования параллельных случаев, превосходящие все другие, будут основаны на том, что общество христиан, оставленное Апостолами на земле, принадлежало к той религии, которую Апостолы передали им; что внешняя преемственность названия, вероисповедания и Причастия доказывает действительную преемственность учения; что как Христианство начиналось с того, что проявляло себя в определенной форме по отношению ко всему человечеству, так оно и продолжало таким же образом проявлять себя, тем более, принимая во внимание, что пророчество уже определило, что оно должно было стать силой, проявленной в мире и стоящей выше мира, а это те самые особенности, которые точно выражают то, за что историческое Христианство получило свое имя. И не будет невероятным предположением, скорее, просто воздержанием от бессмысленного допущения принципа, который обязательно привел бы нас к самому досадному и нелепому скептицизму, принять как должное, до доказательства противоположного, что Христианство второго, четвертого, седьмого, двенадцатого, шестнадцатого и промежуточных веков, по своей сути, и есть та самая религия, о которой Христос и Его Апостолы учили в первом веке, каковы бы ни были изменения, во благо или во зло, которые с течением лет или из-за перемен в человеческих делах повлияли на него.

Конечно, я не отрицаю теоретическую возможность чрезмерных изменений. Известно, что существует также идея замещения, предполагающая существование фальшивого Христианства, якобы вытеснявшего настоящее с помощью ловких нововведений в разные периоды, в разных местах и разными людьми, и это происходило до тех пор, пока, согласно поговорке, «лезвие» и «рукоятка» не поменялись местами, и Христианство не потеряло истинную сущность без потери преемственности. *Opus probendi*⁴ у тех, кто утверждает, что так предполагать противоестественно, ведь способность сомневаться не служит оправданием для неверия.

4.

Соответственно, некоторые авторы продолжают приводить исторические доводы в пользу того, почему они отказываются апеллировать к истории. Они утверждают, что когда они начинают изучать документы и литературу Христианства прошлых времен, они находят его доктрины так по-разному представленными и так непоследовательно изложенными, что как бы ни естественно было их считать априорными, это невозможно, что, на самом деле, бесполезно искать в истории суть того Откровения, которого было удостоено человечество, что

⁴ Лат., ответственность за доказательства.

христиане не могут быть христианами историческими, даже если бы они этого захотели. Они говорят, по словам Чиллингворта: «Есть Папы против Пап, Соборы против Соборов, одни Отцы Церкви против других Отцов, некоторые же Отцы противоречат сами себе, есть согласие Отцов одного века против согласия Отцов другого века, Церковь одного века против Церкви другого века». Таким образом, подобные авторы заявляют, что вынуждены возвращаться к Библии, как к единственному источнику Откровения, и опираться на свои личные частные суждения как единственного толкователя вероучения. Этот справедливый аргумент, если он может быть прокомментирован, дает мне сразу начальную тему данного Эссе. В мои цели не входит осудить искажения, как это может быть сделано, каждого отдельного положения такого широкого обвинения умного, но поверхностного автора, но я считаю, что невозможно отрицать все, что Чиллингворт говорит о недостатках исторического Христианства. Напротив, я признаю, что есть определенные очевидные изменения в вероучении, которые должны быть объяснены, поэтому я начну с них, но затем я буду пытаться объяснить необходимость этих изменений для вероучения с точки зрения сохранения его единства, направленности и последовательности.

5.

Прежде чем приступить к этой работе, я выскажу одно замечание относительно Чиллингворта и его последователей. Предположим, они могут критиковать историю, но тогда и факты истории, несомненно, могут возразить против них. Я допускаю также, что история могла бы быть более ясной в этом великом вопросе, чем она есть на самом деле. Это не слишком большое допущение. История – не вероучение и не катехизис, она дает скорее уроки, чем правила. Но все же, никакой индивид не может отклонить от курса основное учение в его сущности, будет ли он принимать его или усомнится в нем. Четкие контуры и обширные скопления цвета поднимаются из записей прошлого. Эти записи могут быть неясными, могут быть несовершенными, но они являются окончательными. И, по крайней мере, несомненно: чему бы история ни учила, чем бы она ни пренебрегала, что бы она ни преувеличивала или ни преуменьшала, что бы она ни говорила, утверждая или отрицая, но, во всяком случае, историческое Христианство не является Протестантизмом. Если когда-либо была истина, она была в историческом Христианстве.

И Протестантизм всегда чувствовал именно так. Я не имею в виду, что каждый протестантский писатель так считал, ибо сначала было в моде, по крайней мере, в качестве риторического аргумента против Рима, обращаться к прошлым векам вообще или к некоторым из них, но Протестантизм в целом чувствует и чувствовал именно так. Это видно и в их решимости обойтись без исторического Христианства вообще и в обосновании Христианства на одной Библии: люди никогда не отодвинули бы историческое Христианство в сторону, если бы они не потеряли надежду на него. Об этом свидетельствует долгое пренебрежение церковной историей в Англии, которое преобладает даже в английской Церкви. Англиканская религия едва ли признает факт двенадцати долгих веков, которые лежат между Соборами в Никее и Тренте, за исключением случаев использования одной или двух цитат, чтобы проиллюстрировать свои сумасбродные толкования некоторых пророчеств Святых Павла и Иоанна. Печально это говорить, но главным и, пожалуй, единственным английским автором, который имеет какие-либо претензии быть церковным историком, является неверующий Гиббон. Чтобы быть погруженным в историю, нужно перестать быть протестантом.

6.

И эта полная несовместимость между Протестантизмом и историческим Христианством является очевидным фактом, независимо от того, рассматривается последнее в его более ранние или более поздние века. Протестанты так же мало принимают Доникийский период, как и Посттридентский. У меня есть в другой работе наблюдение на это обстоятельство: «Протестант должен признать, что если такая система доктрин, которую он сейчас выдвигает, когда-

либо существовала в древние времена, то она была полностью сметена потопом, внезапно, безмолвно, и без памяти, как будто ливнем в ночи и крайне сильным, промачивающим, вздымающим вверх, уносящим прочь всякий остаток того, что формирует фундамент Церкви, прежде петушиного крика на рассвете; так что, «когда они подняли бы утром» ее истинное семя, они «были бы уже все мертвы как трупы», умерли и погребены, и без надгробного камня, «... и покрыло их море: они погрузились, как свинец, в великих водах»⁵. Странные антигерои, в самом деле, есть в начале судьбы Израиля! Итак, враги были утоплены, «... и увидели Израилевы Египтян мертвыми на берегу моря»⁶. Но теперь, кажется, вода вышла бы как наводнение «изо рта змея»⁷, и накрыла бы всех очевидцев, так что даже их трупы не лежали бы «на улицах великого города»⁸. «Пусть он возьмет то, что ему нравится в учении: свой собственный взгляд на праведность, на соблюдение норм и правил, на религиозные предрассудки, свое собственное понятие веры или духовности в религиозном культе, свое понимание силы Таинств или главные авторитеты, или видимую Церковь, или свое собственное учение о божественной действительности Писания как единственного назначенного инструмента религиозного учения, и пусть он считает, что далекая древность, которая дошла до нас, поддерживает его в этом». Но нет, он должен допустить, что предполагаемый ливень сделал свое дело, и, в свою очередь, исчез сам, был поглощен землей также безжалостно, как сам был беспощаден» [1].

То, что Протестантизм, таким образом, не есть историческое Христианство, легко определить, но возражение – плохой ответ в споре о существовании какого бы то ни было факта преуменьшения или преувеличения у таких авторов, как Чиллингворт. Если он столкнулся с конкретным и растущим затруднением, которое может претендовать на реальный ответ, мы должны определить, с одной стороны, по-прежнему ли Христианство представляет для нас определенное ясное учение свыше, или же его утверждения время от времени настолько необычно не соответствуют изначальному вероучению, что мы неизбежно должны обращаться к нашему собственному суждению, чтобы индивидуально определять, что есть откровение Божие или, скорее, было ли какое-либо откровение вообще.

7.

Здесь я соглашаюсь с противниками исторического Христианства в том, что действительно можно найти на протяжении 1800 лет его существования некоторые явные несоответствия и изменения в его вероучении и культе, такие, которые неизменно привлекают внимание всех, кто исследует его. Они не являются достаточными, чтобы противоречить общему характеру и направлению религии, но они поднимают вопрос о том, как они появились и что они означают, и в результате, они составляют содержание нескольких гипотез.

Одна из гипотез состоит в том, что Христианство изменялось с самого начала и постоянно приспособлялось к обстоятельствам разных периодов и времен, однако трудно понять, как такой взгляд совместим с особой идеей Откровения истины, и фактически ее сторонники более или менее отказались или стремятся отказаться от сверхъестественного в Христианстве, так что мы на этой гипотезе не останавливаемся.

Вторая и более правдоподобная гипотеза – это та самая гипотеза от англиканских богословов, которые примиряли и приводили в соответствие рассматриваемые явления путем отсеечения и отвержения, как испорченных, всех обычаев, направлений, мнений и принципов, которые не утверждены в первые времена Христианства. Они настаивают, что история сначала представляет нам чистое Христианство на Востоке и Западе, а затем оно становится искаженным, и далее, конечно, в их обязанности входит провести черту между тем, что искажено, и

⁵ Исх.15:10.

⁶ Исх.14:30.

⁷ Откр.12:15.

⁸ Откр.11:8.

тем, что осталось чистым, и установить периоды, в которые происходили различные изменения от хорошего к плохому. Принцип разграничения, подходящий для этой цели, они считают, что нашли в изречении Винсента Леринского, что Богооткровенное и Апостольское учение есть «quod semper, quod ubique, quod ab omnibus»⁹, и это принцип, безошибочно отличающий во всей области истории авторитетное учение от мнения, отвергающий то, что ошибочно, объединяя и формируя богословие. Такой взгляд, что «Христианством является то, что было всегда, везде и для всех», является безусловным обещанием разрешения затруднений и объяснения смысла истории. Что может быть более естественным, чем то, что божественное и телесное в человеке должно говорить иногда от самого себя, иногда в согласии с традицией? Что более естественно, чем то, что каждый человек говорит многое импульсивно или от волнения, или в качестве предположения, или из-за неведения? Что может быть более достоверным, чем то, что все говорящие должны были быть наставлены и катехизированы в Символе веры Апостолов? Что может быть более очевидным, чем то, что сказанное ими было их собственным, своеобразным и отличалось от того, что также высказывали как частное и личное мнение их братья? Что более убедительно, чем то, что вероучение, которое было общим для всех сразу, было на самом деле не их собственным, а общественным достоянием, в котором они нашли общий интерес, и которое было доказано через совпадение многих свидетельств, исходящих из Апостольского источника? Итак, здесь мы имеем легкий и простой способ привести различные сведения из церковной истории в соответствие с той априорной вероятностью, которой ничто, кроме ее действительных вариаций, не могло бы заставить нас пренебречь. Здесь мы имеем точные и достаточные основания того, почему мы должны брать многое из ранних веков, пока не обращая внимания на более поздний период, того, почему мы должны признать одни доктрины, а не другие, почему англикане должны отклонить Символ веры Пия IV¹⁰ и принять Тридцать Девять Статей¹¹.

8.

Таково правило исторической интерпретации, которое было открыто в английской школе богословия, оно содержит великие истины, предлагает понятный принцип и имеет разумное выражение. Это подходящий, или, как можно еще сказать, родной для англиканского ума принцип, который занимает среднюю позицию, не отказываясь от Отцов Церкви и не признавая Папу. Этот принцип основывает простое правило, с помощью которого можно измерить ценность каждого исторического факта и, тем самым, он обеспечивает защиту против Рима, одновременно начиная атаку на Протестантизм. Таков этот принцип в предполагаемой перспективе, но трудность заключается в применении его в конкретных случаях. Правило более пригодно для определения того, что не является Христианством, чем того, что является им, оно беспроигрышно против Протестантизма, в каком-то смысле оно действительно неопровержимо против Рима, но в том же самом смысле оно неопровержимо и против Англиканства. Оно наносит удар Риму через Англиканство. Оно допускает интерпретацию одним из двух способов: если это правило сузить с целью опровержения Католического Символа веры Папы Пия, оно становится также возражением против учения Святого Афанасия, а если оно будет признавать доктрины, на которых основывается Англиканская Церковь, то оно уже не исключает некоторых доктрин Рима, которые Англиканская Церковь отрицает. Оно не может одновременно осуждать Святого Фому и Святого Бернарда и защищать Святого Афанасия и Святого Григория Назианзина.

⁹ Лат., то, во что верят все везде и всегда.

¹⁰ Тридентский Символ веры (лат. *Professio fidei Tridentinae*), также известный как Исповедание веры Тридентского собора или Символ веры Папы Пия IV, один из четырёх авторитетных Католических Символов веры.

¹¹ Вероучительный документ Англиканской Церкви, о согласии с которым обязан письменно заявить каждый кандидат в диаконы, священники и епископы перед хиротонией.

Этот общий недостаток в пригодности правила осознают те, кто обращается к нему. Как сказал один автор: «Правило Винсента не имеет математического или наглядного характера, но имеет нравственный характер и требует практического суждения и здравого смысла, чтобы применить его; например, что подразумевается под «верят всегда», это означает в каждом столетии или каждый год, или каждый месяц? Или «езде» означают в каждой стране или в каждой епархии? А «согласие Отцов» требует от нас приводить прямое свидетельство каждого из них? Сколько Отцов, сколько мест, сколько случаев нужно для выполнения условия? Следовательно, это условие, которое никогда не может быть выполнено полностью. Правило допускает разное и неравноценное применение его в различных случаях; и какая степень его применения достаточна, должно быть определено теми же принципами, которые определяют наше поведение в жизни, которые направляют нас в политике, торговле или войне, которые ориентируют в принятии Откровения в целом (и которые мы имеем лишь вероятность обнаружить), чтобы верить в существование разумного Творца» [2].

9.

Так много допускает этот автор, и затем он добавляет: «Это, несомненно, характеристика канона Винсента, но порекомендую ее только последователям школы Батлера из-за их согласия с аналогией по природе; однако, она дает готовую лазейку для тех, кто не хочет, чтобы его убедили, и этой лазейкой протестанты и католики не замедлят воспользоваться».

Таков стиль полемистов, тех, кто намерен более нападать на других, чем защищаться, как если бы подобные лазейки не были необходимы для англиканского богословия.

В другом месте он говорит: «Нет ни малейшего основания утверждать, что Отцы Церкви считали ортодоксальной истиной то, что Святой Петр и его преемники были и остаются универсальными Епископами, так что у них весь христианский мир находится в одной епархии, а другие Апостолы и Епископы этого не имели и не имеют» [3]. Наиболее истинно предположение, что для того, чтобы доктрина считалась ортодоксальной, она должна быть официально установлена Отцами Церкви, как правило, с самого начала; однако, если основываться на таком понимании, то доктрина об апостольской преемственности в епископском порядке «не имеет ни малейшего притязания быть католической истиной».

Также не был этот автор лишен ощущения особой трудности своей школы, и он делает попытку соответствовать ей через отрицание. Он пожелал отстаивать то, что священные доктрины, принятые Англиканской Церковью в ее Статьях, были преподаны в первохристианские времена с определенностью, которую никто не мог бы представить связанной с характеристиками Римской Церкви.

«Мы с уверенностью утверждаем, – говорит он в другой публикации, – что в Афанасьевском Символе веры нет ни одной статьи о Воплощении, которая не была бы предвосхищена в споре с гностиками. Нет такого вопроса, поставленного аполлинарианской или несторианской ересью, который не мог бы быть разрешен, согласно трудам Игнатия, Ириния и Тертуллиана» [4].

10.

Допустим, что вышеприведенное мнение автора – истина. Может действительно быть истинным или, по крайней мере, признаем сейчас истинным, что существовал консенсус в Доникийской Церкви о доктрине Единосущия и Сочечности нашего Господа со Всемогушим Отцом. Допустим, что весь круг учения о нашем Господе последовательно и единообразно признавался в первоначальной Церкви, хотя и не был утвержден формально на Соборах. Но, безусловно, иначе будет обстоять дело с ортодоксальной доктриной о Троице. Я не вижу, в каком смысле можно сказать, что существует консенсус первых богословов в ее пользу, консенсуса нет также для некоторых доктрин Римской Церкви, которые будут упоминаться в настоящее время. И этот момент автор вышеприведенных отрывков должен был бы более отчетливо пред-

ставить себе и более тщательно продумать; но он, похоже, фантазирует о том, что Епископ Булл доказал изначальность вселенского учения о Святой Троице, также как и о Господе нашем.

Теперь следует четко понимать, что должно быть доказано теми, кто будет это утверждать. Конечно, сама доктрина о божественности нашего Господа отчасти подразумевает, а отчасти выдвигает учение о Троице, но вывод и следствия принадлежат к другому классу аргументов, которые еще не были приняты во внимание. Высказывания отдельного Отца Церкви или богослова могут, безусловно, иметь очень важный характер, но один богослов не равен *Catena*¹². Мы должны принимать во внимание все вероучение, установленное Церковью. Ортодоксальная истина состоит из ряда отдельных положений, каждое из которых, если оно будет сохранено в ущерб остальным, является ересью. Итак, чтобы доказать, что все Доникийские авторы учили о догмате Святой Троицы, недостаточно установить, что каждый из них, однако же, пошел достаточно далеко, чтобы не стать еретиком; недостаточно доказать, что один занимал позицию, что Сын есть Бог (ибо так поступали савелиане, а также македониане), а другой – что Отец не Сын (ибо так поступали ариане), а третий, что Сын равен Отцу (ибо так и сделали тритеисты), а четвертый, что существует только один Бог (ибо так поступали унитарии), недостаточно, чтобы многие были приверженцами хоть в каком-то смысле тройной власти в идее Всевышнего (ибо так поступали почти все ереси, которые когда-либо существовали, и не могли не делать этого, если они принимали Новый Завет); но мы должны показать, что все эти заявления одновременно, как и другие, изложены таким количеством отдельных свидетельств, которые справедливо могут составлять «консенсус богословов». Действительно, последующее исповедание доктрины во Вселенской Церкви создает презумпцию того, что она реализовалась еще до ее официального установления, и что справедливо толковать ранних Отцов через более поздних. Это действительно так и допускает применение к некоторым другим доктринам, кроме доктрины Пресвятой Троицы в Единстве. Но здесь так же мало места для таких априорных вероятностей, как и для аргументации из внушений и намеков для точного и императивного *quod semper, quod ubique, quod ab omnibus*¹³, как это обычно понимается английскими богословами и ими используется против поздней Церкви и Папского Престола. То, что мы имеем право спросить, если мы обязаны действовать в соответствии с правилом Винсента в отношении догмата о Троице, так это то, достаточно ли того количества Доникийских заявлений, каждое из которых должно было бы явно предвосхищать Афанасьевский Символ веры.

11.

Теперь обратимся к основным фактам этого дела, апеллируя к которым я не должен приписывать какую-либо ересь святым людям, чьи слова не всегда были достаточно полными или точными, чтобы исключить обвинения. Во-первых, в вероучении ранних веков Христианства вообще нет ни одного упоминания об ортодоксальной доктрине. Оно действительно упоминает о Трех, но то, что есть какие-либо тайны в учении, что Три суть Одно, что Они равны, совечны, сотворят, всемогущи, непостижимы, оно не утверждает, и этого никогда не может быть найдено в нем. Конечно, мы верим, что оно подразумевает это, или, скорее, имеет это в виду. И не дай Бог нам поступать иначе! Но ничто в простой букве этих документов не приводит к такому убеждению. Чтобы придать их букве более глубокий смысл, мы должны интерпретировать ее через те времена, которые наступили позднее.

Кроме того, есть один и только один доктринальный Собор в Доникийский период. Он был проведен в Антиохии в середине третьего века по случаю зарождающихся новшеств сирийской еретической школы. Когда собралось Отцы, они по разным причинам осудили или, по

¹² Лат., цепь, компилятивная форма комментария на Священное Писание, представляющая собой собрание выдержек из сочинений нескольких богословов.

¹³ Лат., то, во что верят все везде и всегда.

крайней мере, отклонили, когда дело дошло до спора, слово «*Homöision*»¹⁴, которое впоследствии стало в Никее специальным символом Вселенской Церкви против Ария [5].

Кроме того, шестью великими Епископами и Святыми Доникийской Церкви были Святой Ириней Лионский, Святые Ипполит, Киприан, Святой Григорий Чудотворец, Святой Дионисий Александрийский, Святой Мефодий. Из них Святой Дионисий обвиняется Святым Василием в том, что он посеял первые семена Арианства [6], а Святым Григорием в том, что тот же ученый Отец допускал использование выражений, касающихся нашего Господа, которые он оправдывает только в молитвах о материальных вещах [7]. Святой Ипполит говорит так, как если бы он ничего не знал о Вечном Сыновстве нашего Господа [8]; Святой Мефодий говорит неправильно, по крайней мере, о Воплощении [9], а Святой Киприан не занимался теологией вообще. Такова неполнота сохранившихся толкований этих истинных Святых и, в свое время, верных свидетелей Вечного Сына.

С другой стороны, Афинагор, Святой Климент, Тертуллиан и оба Святых Дионисия, казалось бы, единственные авторы, язык которых в любое время является достаточно точным и систематическим, чтобы напоминать нам об Афанасьевском Символе Веры. Но если мы ограничим наш взгляд на учение Отцов тем, что они прямо утверждали, Святителю Игнатия можно рассматривать как *patri assian*¹⁵, Святого Иустина – как арианина, а Святого Ипполита – как фотинианина.

И наконец, есть три великих автора-богослова Доникийского периода: Тертуллиан, Ориген и, мы можем добавить, Евсевий, хотя он жил в четвертом веке. Тертуллиан является неортодоксальным в учении о божественности нашего Господа [10], и действительно, в конце концов, он совсем впал в ересь или раскол, Ориген, по крайней мере, подозреваем, и его должно защищать и объяснять, а не цитировать в качестве свидетеля ортодоксальности, а Евсевий был полуарианин.

12.

Более того, можно усомниться в том, что какой-либо Доникийский Отец, отчетливо утверждает единство или соравенство Трех Лиц, за исключением, возможно, неортодоксального Тертуллиана, и то, главным образом, в произведении, написанном после того, как он стал монтанистом [11]; однако, чтобы доказать правомерность антиримского использования *quod semper &c.*, несомненно, мы не должны обойти вниманием эти великие предметы вероучения, доказанные в более позднее время.

Нужно заметить, что Епископ Булл допускает, что «почти все древние ортодоксы, которые предшествовали Арию, были внешне несведущи относительно невидимой и непостижимой (*immensam*) природы Сына Божия» [12], т.е. догмата, особо проповедуемого в Афанасьевском Символе веры под санкцией анафемы.

Следует спросить, сколько прямых и буквальных свидетельств Доникийские Отцы дают о божественности Святого Духа? Заметим только, что Святой Василий в четвертом веке, поняв, что если он отчетливо назовет третье лицо в Святой Троице именем Бога, то он будет выдворен из Церкви арианами, демонстративно воздерживался от этого в случае, когда его враги за ним следили, и потому Святой Афанасий, когда некоторые ортодоксы указывали на это, держал его сторону [13]. Может ли это быть похоже на поведение какого-либо истинного христианина, не говоря уже о Святом, в более позднее время? То есть, каково бы ни было истинное объяснение этого, не наводит ли оно нас на мысль, что свидетельство тех ранних времен очень неблагоприятно для применения правила Винсента?

13.

¹⁴ Греч., единосущие.

¹⁵ Лат., азиатский отец.

Позвольте ни на минуту не допустить, что я ставлю под сомнение ортодоксальность ранних богословов или убедительность их свидетельств среди частных исследователей, но я пытаюсь защитить этих богословов от пристрастной интерпретации правила Винсента, которая необходима для того, чтобы сделать его приемлемым против Римской Церкви. А теперь, что касается положительных доказательств, которые эти Отцы выдвигали в защиту ортодоксального учения о Троице, они были изложены доктором Бертоном и разделяются на две части. В первой части – общее приписывание славы Трем Лицам вместе, как Отцами, так и Церковью, и это непрерывная традиция с древнейших времен. Вторая часть – отдельные заявления Отцов, и мы находим слово «Троица», используемое Святым Феофилом, Святым Климентом, Святым Ипполитом, Тертуллианом, Святым Киприаном, Оригеном, Святым Мефодием; а Божественное *Circumincessio*¹⁶, наиболее характерная часть католической доктрины, и единство силы или сущности, провозглашаются с большей или меньшей отчетливостью Афиногором, Святыми Иринеем, Климентом, Тертуллианом, Святым Ипполитом, Оригеном и Святыми Дионисиями. Это есть в значительной степени все доказательства.

14.

Возможно, кто-то скажет, что мы должны взять Доникийских Отцов в целом и интерпретировать их одного через другого. Такая интерпретация будет предполагать, что все они принадлежат к одной школе, которую, несомненно, они и составляют, но которая в полемике есть вопрос для доказательства; но сомнительно, что даже такой метод укрепляет доказательство. Например, что касается второй главы положительных доказательств знаменитого доктора Бертона, получается, что Тертуллиан является самым правильным и совершенным из этих Отцов в своем утверждении ортодоксального вероучения. «Вряд ли это возможно, – говорит доктор Бертон, после цитирования отрывка, – ибо сам Афанасий, т.е. составитель Афанасьевского Символа веры, представляет учение о Троице в более сильных выражениях, чем эти» [14]. Тертуллиана следует считать неортодоксальным из-за его учения о предвечном рождении нашего Господа [15]. Можно применить этот пример и по отношению к другим Отцам, и тогда мы приходим к выводу, что даже самые точные формулировки – не более чем слова, они не гарантируют ничего, кроме самих себя, и совместимы с ересью, потому что четко не протестуют против нее.

И к тому же, что касается аргумента, выводимого из Доксологий¹⁷, не следует забывать, что один из отрывков из Святого Иустина Мученика включает в себя поклонение Ангелам. «Мы почитаем и поклоняемся, – он говорит, – Ему и Сыну, который пришел от Него и учил нас всему этому, и воинству добрых Ангелов, которые следуют за Ним, и подобны Ему, и Пророческому Духу» [16]. Унитарии могут возразить на этот отрывок, что слава и поклонение, которое ранняя Церковь воздавала Господу нашему, не были более определенными, чем те, которые Святой Иустин был готов допустить для творений.

15.

Итак, уже много сказано о доктрине Святой Троицы. Перейдем к другому примеру. Есть две доктрины, которые, как правило, связывают с именем Отца четвертого и пятого веков, которые могут казаться довольно определенными или, по крайней мере, хотя бы частично засвидетельствованными до этого времени, это доктрины о Чистилище и о Первородном грехе. Изречение Винсента признает обе доктрины или обе исключает, в зависимости от того, как оно использовано, если используется аристотелевское «лесбийское правило», тогда, как и хотели бы англикане, может быть признана доктрина Первородного греха и исключена доктрина Чистилища.

С одной стороны, некоторые представления о страдании, ущербе или наказании после этой жизни, в случае умершего праведника, или другие неопределенные формы доктрины

¹⁶ Лат., внутритроичное движение.

¹⁷ Доксология – в христианской терминологии молитва, выражающая славословие Богу.

Чистилища поддерживаются почти с полным единодушием в первые четыре века Церкви, хотя одни Отцы заявляли о ней более открыто и решительно, чем другие. Таково, как показывают тексты, вероисповедание Святого Климента Александрийского, Тертуллиана, Святой Перпетуи, Святого Киприана, Оригена, Лактанция, Святого Хилария, Святого Кирилла Иерусалимского, Святого Амвросия, Святого Василия, Святых Григория Назиназина и Григория Нисского, Святого Иоанна Златоуста, Святого Иеронима, Святого Паулина и Святого Августина. С другой стороны, есть определенное согласие Отцов первых веков в том, что человечество имеет некоторый ущерб из-за греха Адама.

16.

Далее, когда мы рассматриваем две доктрины более отчетливо, доктрину, что между смертью и Судом Божиим есть время или состояние наказания, и доктрину, что все люди, естественно рожденные от павшего Адама, в результате рождения лишены первоначальной праведности, мы находим, с одной стороны, некоторых, таких как Тертуллиан, Святая Перпетуя, Святой Кирилл, Святой Хиларий, Святой Иероним, Святой Григорий Нисский, насколько можно судить по их словам, которые, несомненно, провозглашают доктрину Чистилища; в то же время, никто не скажет, что есть свидетельства Отцов, такие же убедительные, о доктрине Первородного греха, хотя трудно сделать какие-либо определенные заявления об этом без обсуждения этой темы.

По вопросу о Чистилище существовало, если говорить в целом, две школы мнений: греческая, которая предполагала в последний день испытание огнем, через который все должны будут пройти, и африканская, более похожая на нынешнюю доктрину Римской Церкви. Таким образом, было два основных взгляда на Первородный грех: греческий и африканский или латинский. В греческой школе хорошо известно воззрение Хукера, хотя его и не следует понимать буквально: «Ересь свободы воли была как мельничный жернов на шее пелагиан; будем ли мы, таким образом, неизбежно выносить смертный приговор для всех тех Отцов в Греческой Церкви, которые, будучи убежденными в этой ереси, умерли в этом заблуждении?» [17]. Епископ Тейлор, выступая против противоположной доктрины, приводит такое же свидетельство: «Первородный грех, как его обычно излагают, не являлся доктриной первоначальной Церкви, но когда Пелагий основал свое направление, Святой Августин был так зол, что он разрушил это направление. И действительно ... я не думаю, что джентльмены, которые выдвигают против меня мнение Святого Августина, правильно считают, что я исповедую себя последователем тех Отцов, которые были до него, и которых Святой Августин оставил позади, как и я, в этом вопросе» [18]. То же самое утверждают или допускают Ессениус, Петавиус и Уолч [19], люди таких разных школ, что мы можем уверенно взять их согласие в этом вопросе в качестве доказательства этого факта. Последний писатель после рассмотрения свидетельств Отцов, одного за другим, приходит к выводу о том, что, во-первых, «Греческая Церковь недостаточно оценила Августина, за исключением его учения о том, что от греха Адама пришла смерть, а также (после времени Мефодия) чрезвычайная и противоестественная чувственность», далее, что «Латинская Церковь подтвердила, кроме того, что испорченная и нечистая душа Адама через поколения, была утверждена в его потомстве» [20]; и наконец, что ни греки, ни латиняне не взяли доктрину о вменении в вину. Можно отметить, кроме того, что, несмотря на убедительное высказывание Святого Павла по этому вопросу, доктрина о Первородном грехе не появляется ни в Апостольском, ни в Никейском Символе веры.

17.

И еще один дополнительный пример может быть представлен как образец многих других. Я прихожу к одному из наших алтарей, чтобы принять Святую Евхаристию, и у меня нет сомнений относительно Дара, который содержит это Таинство, я исповедую свою веру и делаю духовные шаги, в которых я уверен. «Христос присутствует здесь вследствие Освящения, которое является прерогативой Священников, Священниками становятся через Рукопо-

ложение, и Рукоположение следует по прямой линии от Апостолов. Каковы бы ни были другие наши злоключения, каждое звено в нашей цепи является безопасным, у нас есть Апостольское Преемство, у нас есть правильная форма посвящения, поэтому мы наделены большим Даром». Здесь у меня появляется вопрос: «Кто сказал вам о том, что это Дар?» Я отвечаю: «Я узнал это от Отцов: я верю в Реальное Присутствие Христа, потому что они свидетельствуют об этом. Святой Игнатий называет Причастие «лекарством бессмертия». Святой Ириной говорит, что «наша плоть становится нетленной, вкушает жизнь и имеет надежду на воскресение», так как «питается от Тела и Крови Господа; Евхаристия состоит из двух вещей: земной и небесной» [21]; возможно, Ориген, а может быть, и Магнес после него говорят, что это не символ Тела нашего Господа, но Его Тело, а Святой Киприан использует выражения такие страшные, какие могут говорить тем, кто не посвящен в это. Я выбрал жребий мой с ними, я считаю, как и они». Так я отвечаю, а затем, в другое время, мне приходит в голову другая мысль: «А разве не те же самые древние Отцы свидетельствуют о других доктринах, которые вы отвергаете? Разве вы не лицемер, слушая их, когда вы хотите, и, не слушая их, когда вы не хотите? Как же вы выберете жребий со Святыми, когда вы лишь наполовину с ними? О чем они говорят чаще, о Реальном Присутствии Христа в Евхаристии или о Верховенстве Папы? Вы принимаете меньшие доказательства, вы отвергаете большие».

18.

По правде говоря, какими бы скудными ни были Доникийские упоминания о Папском Верховенстве, они более многочисленны и более определены, чем упоминания о Реальном Присутствии Христа в Евхаристии. Свидетельства о последнем ограничиваются несколькими высказываниями, подобными только что процитированным. С другой стороны, в отрывке из Святого Иустина Епископ Кей замечает: «Ле Нурри делает вывод, что Иустин исповедовал доктрину пресуществления¹⁸, а, по-моему, более правдоподобно признать его расположенность в пользу консубстанции¹⁹, так как Иустин называет освященные элементы Хлебом и Вином, а не просто обычными хлебом и вином [22] ... Таким образом, можно сделать вывод, что, когда он их называет Тело и Кровь Христа, он говорит в переносном смысле». «Климент, – отмечает тот же автор, – говорит, что Писание называет вино мистическим символом Святой Крови ... Климент дает различные интерпретации этого изречения Христа в главе VI Евангелии от Иоанна относительно Его плоти и крови, но, ни в коем случае, он не толкует их буквально ... Его идея, видимо, состояла в том, что, вкушая хлеб и вино в Евхаристии, душа верующего соединяется с Духом, и что этому союзу сообщается принцип бессмертия плоти» [23]. «Некоторые предполагают, – говорит Уотерленд, – что Тертуллиан понимал эти слова Иоанна Бого- слова просто как обещание или доктрину, или духовное действие; другие же решительно отрицают это». Прочитав отрывок, он добавляет: «Все, что можно справедливо почерпнуть из этого отрывка, это то, что Тертуллиан интерпретирует хлеб жизни в Евангелии от Иоанна как Слово, имея в виду иногда просто звучащее слово, а иногда Слово как субстанцию, смешивая идеи в очень запутанной манере; так что он не имеет четких полномочий для толкования доктрин Евангелия от Иоанна, главы VI, и т. д. Несомненно, лишь то, что он понимает Слово, ставшее плотью, Слово воплощенное, как небесный хлеб, о котором говорится в той главе» [24]. «Общее замечание Оригена относительно этой главы состоит в том, что она не должна быть понята буквально, но в переносном смысле» [25]. Кроме того, «Совершенно очевидно, что Евсевий последовал в этом вопросе за Оригеном и что оба они отдавали предпочте-

¹⁸ Пресуществление (трансубстанциация) – католическое учение о том, что в Евхаристии сущность хлеба и вина пресуществляется в тело и кровь Христа, так что от хлеба и вина сохраняются лишь их видимые признаки: форма, цвет, вкус, запах, и что в святом Причастии присутствует Сам Иисус Христос.

¹⁹ Консубстанциация (лат.) – учение Мартина Лютера, который, отрицая пресуществление хлеба в истинное тело Христово, допускал только соприсутствие хлеба с действительным телом Христовым, так что вкушающий хлеб этим приобщается тела Христова. Ныне этот термин лютеранскими богословами оставлен.

ние одному и тому же мистическому или аллегорическому пониманию, о котором постоянно и однообразно мне нет нужды повторять» [26]. Я хочу лишь добавить дополнительное доказательство, появившееся в последнее время. Насколько англиканская доктрина о Евхаристии зависит от времени перед Никейским Собором, насколько – от времени после него, можно заключить из того обстоятельства, что, когда была опубликована памятная Проповедь [27] на эту тему, тогда из примерно ста сорока цитат Отцов, которые были добавлены в примечаниях, не как официальное доказательство, но для общей иллюстрации, лишь пятнадцать были взяты у Доникийских авторов.

С такими доказательствами не нужно бояться сравнения с Доникийскими свидетельствами, которые можно привести в пользу авторитета Святого Престола. Они могут быть слабы по-одному, но, по крайней мере, мы можем насчитать их семнадцать, и они различны, взяты из разных эпох и стран, и тем самым, служат для иллюстрации друг с друга и образуют корпус доказательства. Какие бы возражения ни выдвигались против того или иного конкретного факта, я не думаю, что можно выдвинуть какие-либо обоснованные возражения, но в целом я считаю, что из них вырастает совокупное доказательство в пользу вселенского и вероучительного авторитета Рима, более сильное, чем какое-либо доказательство, которое может быть взято из того же периода о доктрине Реального Присутствия Христа в Евхаристии. Я буду иметь возможность перечислить эти доказательства в четвертой главе этого Эссе.

19.

Если сказать, что Реальное Присутствие появляется, согласно Литургии, в четвертом или пятом веке, то сама доктрина появилась раньше из тех самых форм, которые, вероятно, существовали с первых веков Христианства в богослужении, и это, несомненно, важная истина. Но тогда верно также и то, что авторы четвертого и пятого веков смело утверждают или допускают, что прерогативы Рима были получены с апостольских времен, и это потому, что там находился Престол Святого Петра.

Кроме того, если противостояние Святого Киприана и Фирмилиана Римской Церкви в вопросе о крещении еретиков или более раннее противостояние ей Поликрата Эфесского навязывается нам в качестве доказательств против ее изначального авторитета, то пусть будет учтено, во-первых, что авторитет сам по себе нередко приводит к противостоянию ему, во-вторых, что собственное учение Святого Киприана, которое принято Римом, более важно, чем его поступок против Рима, в-третьих, что, возможно, он уже был в заблуждении в главном вопросе, обсуждаемом в дискуссии, как и Фирмилиан, и наконец, главный момент, независимо от того, можем ли мы возразить или нет против Реального Присутствия в словах Тертуллиана, который объясняет «сие есть Тело Мое»²⁰ как «символ Тела», а также Оригена, который говорит, что «мы причащаемся Крови Христа не только в процессе Таинства Евхаристии, но и когда мы воспринимаем Его речи» [28], и что «хлеб, который Бог Слово признает как Его Тело, есть Слово, которое питает душу» [29], – цитат, которые допускают ортодоксальную интерпретацию, когда ортодоксальная доктрина уже однажды доказана, эти цитаты *primâ facie*²¹ противоречат этой доктрине.

Поэтому не представляется возможным не прийти к выводу, что, какой бы ни был подходящий ключ для согласования произведений и документов ранней и поздней Церкви, и каким бы истинным ни считалось изречение Винсента формально, и каким бы ни было его применение в его собственную эпоху, когда оно могло обратиться к первоначальным векам Христианства для доказательства, вряд ли оно является подходящим сейчас для достижения какого-либо удовлетворительного результата. Решение, которое оно предлагает, так же сложно, как и исходная проблема.

²⁰ Мф. 26:26.

²¹ Лат., на первый взгляд.

20.

Другой гипотезой, объясняющей отсутствие соответствия между ранним и поздним аспектами Христианства, является та самая *Disciplina Arcani*²², выдвинутая на основании предположения, что в учении Церкви от начала до конца не было никаких изменений. Утверждается, что учения, которые связаны с более поздними веками Церкви, в действительности, были в Церкви с самого начала, но не преподавались открыто по разным причинам: из-за благоговения, чтобы священные темы не были осквернены язычниками, а также из-за новообращенных, чтобы они не были угнетены или чересчур увлечены неожиданной информацией о целой области обнаруженной истины. И действительно, факт сокрытия вряд ли можно отрицать, в какой бы степени оно ни принимало форму определенного правила, которое могло изменяться в зависимости от разных людей и мест. То, что подобное имело место даже в отношении Таинств, по-видимому, признается всеми. То, что подобное имело место и в других отношениях, как практика, понятно из обстоятельств и из сочинений апологетов. Минуций Феликс и Арнобиус в полемике с язычниками отрицали, что в их время христиане использовали алтари, однако же, Тертуллиан говорит прямо об *ара Dei*²³ в Церкви. Что же мы можем сказать, кроме того, что апологеты отрицали алтари в том смысле, в котором они высмеивали их, или, что они отрицали алтари, так как языческие алтари не допускались христианами? И таким же образом Минуций считает, что у христиан не было храмов, однако, наличие храмов отчетливо отражается в указах Диоклетиана той эпохи, а как известно, они существовали и гораздо раньше. Тенденция каждой доминирующей системы, такой, как Язычество в Доникийскую эпоху, победить своих оппонентов самой враждебной и ревностной точкой зрения из-за опасений, которые они чувствовали, чтобы, если оппоненты действовали иначе в тех пунктах, в которых они приближены к ним, они были бы неверно истолкованы и подавлены авторитетом. Самый главный недостаток, который теперь обнаруживается у священнослужителей Англиканской Церкви, желающих сообразовать соответствующие обычаи, правила богослужения и доктрины богословов с такими же из семнадцатого века, состоит в том, что они, хотя и того или нет, правильно это или нет, все равно будут санкционировать и поощрять религию Рима, в которой есть подобные доктрины и практики, более определенные и более влиятельные; так что, во всяком случае, в данный момент нецелесообразно пытаться делать то, что, несомненно, ошибочно. То есть, они обязаны следовать *Disciplina Arcani*; и подобная же сдержанность была неизбежна со стороны Католической Церкви в то время, когда священники, алтари и обряды вокруг нее были посвящены злостным и неисцелимым суевериям. Было бы, конечно, неправильно наличие христианских храмов и алтарей отрицать, но было важно соблюдение церемониала Христианства, и поэтому апологеты могли иногда поддаться искушению отрицать абсолютно то, что в самом крайнем случае можно было бы отрицать только при определенных условиях. Идолопоклонническое Язычество, как правило, подавляло внешние проявления Христианства, также как в наше время само существование Протестантизма подавляет, хотя и по другой причине, проявления Римо-Католической религии.

Таким образом, опираясь на различные основания, можно утверждать, что некоторые части церковной системы были сформированы еще в первые века Христианства, и, конечно, этот факт в какой-то мере объясняет то кажущееся изменение и рост доктрины, которое так смущает нас, когда мы обращаемся к истории за истинной христианской идеей; однако, это не является ключом ко всем затруднениям по очевидным причинам: потому что изменения продолжают и после того времени, когда можно предположить, что установленный порядок вступил в силу, и потому что изменения появляются закономерно, не резко, но с видимым ростом, который продолжается донныне без каких-либо признаков своего окончания [30].

²² Лат., первохристианское учение о сакральном.

²³ Лат., алтарь Божий.

21.

Настоящее Эссе направлено на разрешение затруднения, о котором уже было сказано; затруднение, как таковое, обнаруживается в том, что мы используем в полемике свидетельство нашего наиболее естественного информатора о вероучении и культе Христианства, а именно, свидетельство истории восемнадцати столетий. Воззрения, на которых оно основано, возможно, богословы принимали во все времена и без колебаний, и я полагаю, оно в последнее время было проиллюстрировано рядом известных писателей континента, таких, как Джозеф де Местр и Иоганн Адам Молер, которые писали, что увеличение и расширение Христианского вероучения и обряда, а также изменения, которые произошли у отдельных авторов и в Церквях, сопровождают вообще любую философию или политику, которая завладевает умом и сердцем, имеет какое-либо широкое или длительное влияние, потому что, согласно природе человеческого разума, необходимо время для полного понимания и совершенствования великих идей и самых возвышенных и удивительных истин, которые, хотя и были уже доведены до мира раз и навсегда через вдохновенных учителей, но не могли быть постигнуты сразу всеми получателями, и, будучи восприняты и переданы разумом, не вдохновенным и через средства, которые являются человеческими, требовали более длительного времени и более глубокого размышления для своего полного выяснения. Это можно назвать Теорией развития вероучения, и прежде чем продолжить рассматривать ее, нужно сделать здесь одно замечание.

Эта гипотеза, несомненно, является объяснением затруднения, но для сравнения, таковы же и различные объяснения, даваемые астрономами от Птолемея до Ньютона видимым движениям небесных тел, и возражать против первого также нефилософично, как возражать против второго. И также неразумно выражать удивление, что в данное время нам необходимо представить эту теорию для аргументированного доказательства как новый закон, как и выказывать аналогичное удивление ради пренебрежения теорией гравитации или теорией о плутонии в геологии. Несомненно, теория Неизвестного и теория Развития доктрины являются целесообразными, и таким же является изречение Винсента, таково же есть и искусство грамматики или использования квадранта; потому что целесообразно дать возможность нам решать, что ныне стало необходимо сделать, и какие существуют проблемы. В течение трех последних столетий документы и факты Христианства подвергались ревнивой проверке; работы, которые когда-то были общепризнанными, стали считаться ложными, факты, которые являлись когда-то первыми принципами в доказательстве, были отброшены или изменены, появились новые факты и новые принципы; философские взгляды и дискуссии различных направлений отставались с большим или меньшим успехом. Изменилась не только ситуация относительно разногласий в теологии, но и недостаток веры, нужно это признать, стал различным с точки зрения Христианства. Факты Религии Откровения, несмотря на то, что их содержание неизменно, в настоящем имеют менее прочный и упорядоченный фасад перед атакой врагов, чем прежде, и допускают внедрение новых исследований и теорий относительно ее источников и ее возникновения. Положение вещей сейчас не такое, каким оно было, когда апеллировали к предполагаемым работам Ареопагита или к первоначальным установлениям, или к ответам Святого Дионисия Павлу, или к *Сена Domini*²⁴ Святого Киприана. Противниками догматической истины становятся приверженцы любого вероисповедания; философия теперь лишь завершает то, что начала критика, и не без основания возникают опасения, что нам придется снова завоевывать мир прежде, чем мы будем иметь оружие для войны. Отступничество от веры уже имеет свои взгляды и предположения, на которых оно выстраивает факты церковной истории, и оно обязательно будет считать отсутствие каких-либо антагонистических теорий доказательством реальности своих собственных. То, что гипотеза, которая рассматривается здесь, учитывает не только Афанасьевский Символ веры, но и Символ веры Папы Пия, не является ошибкой тех,

²⁴ Лат., трапеза Господня.

кто принимает ее. Никто не имеет сил свыше своих возможностей, мы не можем управлять нашим доказательством, как нам заблагорассудится. Доказательство необходимо, если Христианство не желает отказаться от дискуссии, и тот, кто нашел недостаток в толковании предлагаемого здесь исторического явления, пусть считает своим долгом представить собственное доказательство.

И так как никакая особая цель Римско-католической доктрины не должна задавать направление исследования, то и принятие этой доктрины не может быть основано на ее выводах. Работой всей жизни могло бы стать тщательное применение теории развития к сочинениям Отцов и к истории дискуссий и Соборов, чтобы тем самым можно было оправдать обоснованность каждого решения Рима; но небольшая возможность дать такое обязательство у того, кто начинает жить заново в середине своей жизни. Тем не менее, многое может быть почерпнуто даже из Эссе, подобного представленному, из-за объяснения здесь столь многих из известных заблуждений относительно вероучения и обычаев Римской Церкви. Эссе может служить в качестве законного основания для доверия Церкви в подобных случаях, когда исследование не было проведено.

Примечания

1. Church of the Fathers [Hist. Sketches, vol. i. p. 418.]
2. Proph. Office [Via Media, vol. i. pp. 55, 56.]
3. [Там же. p. 181.]
4. [British Critic, July, 1836, p. 193. Vid. supr. vol i. p. 130.]
5. Конечно, это было оспорено, как и почти все факты, которые имеют отношение к разрешению споров. Я не думаю, что необходимо обращать внимание на возможность или факт возражений по вопросам, относительно которых многие могут сейчас сказать, что они согласованы; например, по вопросу арианизированного стиля Евсевия.
6. [schedon tautesi tes nun perithulloumenes asebeias, tes kata to Anomoion lego, houtos estin, hosa ge hemeis ismen, ho protos anthropois ta spermata paraschon.] Ep. ix. 2.
7. Bull, Defens. F. N. § 6.
8. «Авторы, которые составляют поколение того времени и упоминают нечетко о чем-либо другом, следующие: Иустин, Афиногор, Феофил, Татиан, Тертуллиан и Ипполит» – Waterland, vol. i. part 2. p. 104.
9. «Levia sunt, – говорит Маран в его защиту, – quæ in Sanctissimam Trinitatem hic liber peccare dicitur, paulo graviora quæ in mysterium Incarnationis». – Div. Jes. Christ. p. 527. Shortly after, p. 530, «In tertîa oratione nonnulla legimus Incarnationem Domini spectantia, quæ subabsurdè dicta fateor, nego impiè cogitata».
10. Епископ Булл, который деликатен по отношению к нему, допускает: «Ut quod res est dicam, cum Valentinianis hic et reliquo gnosticorum grege aliquatenus locutus est Tertullianus; in re ipsà tamen cum Catholicis omninò sensit». – Defens. F. N. iii. 10, § 15.
11. Adv. Praxeam.
12. Defens. F. N. iv. 3, § 1.
13. Basil. ed. Ben. vol. 8. p. xcvi.
14. Ante-nicene Test. to the Trinity, p. 69.
15. «Quia et Pater Deus est, et judex Deus est, non tamen ideo Pater et judex semper, quia Deus semper. Nam nec Pater potuit esse ante Filium, nec judex ante delictum. Fuit autem tempus, cum et delictum et Filius non fuit, quod judicem, et qui Patrem Dominum faceret». – Contr. Herm. 3.
16. См. далее, ближе к концу Эссе, Глава 10, где будет упомянуто больше цитат.
17. Of Justification, 26.
18. Works, vol. ix. p. 396.

19. «Quamvis igitur quam maximè fallantur Pelagiani, quum assersant, peccatum originale ex Augustini profluxisse ingenio, antiquam vero ecclesiam illud plane nescivisse; diffiteri tamen nemo potest, apud Græcos patres imprimis inveniri loca, quæ Pelagianismo favere videntur. Hinc et C. Jansenius, 'Græci,' inquit, 'nisi caute legantur et intelligantur, præbere possunt occasionem errori Pelagiano;' et D. Petavius dicit, 'Græci originalis fere criminis raram, nec disertam, mentionem scriptis suis attigerunt». – Walch, *Miscell. Sacr.* p. 607.

20. Horn, *Comment, de Pecc. Orig.* 1801, p. 98.

21. *Hær.* iv. 18. § 5.

22. *Justin Martyr*, ch. 4.

23. *Clem. Alex.* ch. 11.

24. *Works*, vol. vii. p. 118-120.

25. Там же. p. 121.

26. Там же. p. 127.

27. [Dr. Pusey's University Sermon of 1843.]

28. *Numer. Hom.* xvi. 9.

29. *Interp. Com. in Matt.* 85.

30. [Vid., *Apolog.*, p. 198, and *Difficulties of Angl.* vol. i. xii. 7.]

Часть 1. Догматическое развитие как таковое

Глава 1. Развитие идей

§ 1. Процесс развития идей.

§ 2. О видах развития идей.

Математическое развитие.

Физическое развитие.

Политическое развитие.

Логическое развитие.

Историческое развитие.

Этическое развитие.

Метафизическое развитие.

Примечания.

§ 1. Процесс развития идей

Наш ум характеризуется тем, что он всегда занят вынесением суждений о том, что происходит вокруг нас. Как только мы что-то постигаем, мы выносим об этом суждения: мы не позволяем, чтобы что-либо осталось не принятым во внимание, мы сравниваем, противопоставляем, абстрагируем, обобщаем, соединяем, приспособляем, классифицируем; и мы рассматриваем все наше знание во взаимосвязях, которыми происходящие процессы его наделили.

Из вынесенных таким образом суждений, сделавшихся в наших умах выражением фактов, с которыми мы столкнулись, некоторые суждения – просто мнения, которые как появляются, так и исчезают, или остаются с нами только до какого-либо случая, разрушающего их, каким бы ни было влияние, которое они тем временем на нас оказали. Другие суждения прочно укореняются в наших умах с подходящим для этого обоснованием или без него, влияют на нас, имеют отношение к особенностям нашего поведения или становятся нашими воззрениями на жизнь и общество, или предубеждениями, фантазиями, мнениями. Многие из них относятся одному и тому же предмету, который, таким образом, с разных сторон может быть рассмотрен не только различными умами, но и одним и тем же умом. Суждения иногда находятся в таком близком родстве, что одно подразумевает другое; некоторые суждения не только не противоречат друг другу, но имеют общее происхождение, другие, как действительно несовместимые друг с другом в одном или другом, ложно связаны в наших умах со своим предметом, и в каком-либо случае они могут быть пустыми идеями, нашими заблуждениями о предметах.

Соответственно, Иудаизм является идеей, которая когда-то была объективной, а Гностицизм – идеей, которая никогда не была таковой. Обе эти идеи имеют различные аспекты, и если Иудаизм – это монотеизм, определенная этическая дисциплина, служение ради божественного воздаяния, подготовка к Христианству, то гностическая идея – это доктрина двух принципов, эманации, существования внутреннего зла в материи, виновности плоти или вины каждого чувственного удовольствия, и из этого последние два пункта в Гностицизме проявляются в ложном аспекте и только субъективно.

2.

Идея, которая представляет объект или предполагаемый объект, соизмерима с общей суммой всех своих возможных аспектов, как бы они ни различались в каждом отдельном сознании у индивидов; и пропорционально разнообразию аспектов, под которыми она пред-

стает перед различными умами, проявляется ее сила, глубина и доказательство ее истинности. Обычно идея не отшлифовывается интеллектуально как объективная иначе, чем через такую множественность аспектов, подобно материальным субстанциям, которые не понятны иначе, как через их свойства и следствия, которые признаются прошедшими круг и рассмотренными с противоположных сторон, в разных ракурсах и в противоположном освещении при доказательстве их истинности. Суждения о материальных объектах могут быть получены из источников таких непохожих и противоположных, что они кажутся, на первый взгляд, несовместимыми, и как тени они будут несоразмерными или даже чудовищными, но когда-либо все эти аномалии исчезнут, и все эти расхождения будут скорректированы в установившейся точке зрения или внешней проекции в каждом случае. Также и все аспекты идеи способны к соединению и растворению в объекте, которому они принадлежат; и *primâ facie*²⁵ несходство его аспектов становится, когда его объясняют, аргументом в пользу его субстантивности и целостности, а их множественность – в пользу его оригинальности и силы.

3.

Нет ни одного настолько глубокого аспекта, чтобы он полностью исчерпывал содержание реально существующей идеи, нет термина или утверждения, которые бы служили определением ее; и хотя, конечно, одно определение идеи может быть более близким к истине и точным, чем другое, однако же, если идея очень сложная, допустимо для удобства рассматривать ее отдельные аспекты как отдельные идеи. Соответственно, при всем нашем знании о жизни животных и о строении конкретных животных, мы не пришли к подлинному определению какого-либо из них, но вынуждены перечислять его свойства посредством описания. Также не можем мы заключить в формулу интеллектуальный факт или систему мышления, которую мы называем платоническая философия или исторический феномен вероучения и внешнего поведения, который мы называем ересь монтанистов или манихеев. Кроме того, если бы о Протестантизме говорили, что он лжет в своей теории Личного Суждения, а о Лютеранстве – в доктрине Оправдания, это на самом деле могло бы быть приближением к истине, но очевидно, что спорить или действовать так, как если бы тот или иной аспект был достаточным объяснением этих форм религии в отдельности, было бы серьезной ошибкой. Иногда делают попытку определить «главную идею» Христианства, как это называют, претенциозную попытку решить такую сверхъестественную задачу, тогда как даже то, что касается видимого творения и сотворения человека, есть задача, превышающая наши возможности. Так, одни считают, что единственная идея Христианства – это восстановление нашего падшего рода, другие – филантропия, третьи – весть о бессмертии, а также духовность истинного религиозного служения или спасение избранных, или ментальная свобода, или союз души с Богом. Если, на самом деле, есть единственное средство, чтобы использовать ту или иную идею как главную идею для удобства, для того, чтобы группировать другие идеи вокруг нее, никакой ошибки не может быть обнаружено в таком действии, и в этом случае я должен сам назвать Воплощение центральным аспектом Христианства, вне которого три основных аспекта становятся важными: священный, иерархический, и аскетический. Но нельзя допустить, чтобы один аспект Откровения исключал или затемнял другой; Христианство является догматическим, благочестивым и практическим одновременно; оно эзотеричное и экзотеричное, снисходительное и строгое, светлое и смутное; оно – любовь и трепет.

4.

Когда идея, независимо от того, истинная она или нет, принята из мира и завладевает умом, она, можно сказать, получает жизнь, то есть, живет в уме, который ее принял. Математические идеи, какими бы они ни были истинными, едва ли могут по-настоящему быть названы живыми, по крайней мере, обычно. Но, когда какая-нибудь великая идея, истинная или лож-

²⁵ Лат., на первый взгляд.

ная, о человеческой природе или о настоящем благе, или о правительстве, или о долге, или о религии продвигается в общественную массу людей и привлекает внимание, она в той или иной форме принимается пассивно многими умами, она становится активным принципом в пределах этих умов, направляя их к вечно новому рассмотрению и приложению себя в различных аспектах и распространению во все стороны. Такова доктрина о божественном праве королей или о правах человека, или о несветском поведении священства, или об утилитаризме, или о свободной торговле, или о проведении благотворительных мероприятий, или о философии Зенона или Эпикура; все это доктрины, которые по своей природе привлекают, производят впечатление и имеют такую значительную *primâ facie*²⁶ истинность, что они могут быть рассмотрены с разных сторон и оказывать влияние на различные умы очень по-разному. Позвольте одну такую идею дать во владение народному уму или уму любой части общества, и нетрудно представить, каким будет результат. Сначала люди не до конца поймут, что ими движет, и будут выражать и объяснять это неадекватно. Далее начнется общее волнение умов и действия умов друг на друга. Наступит время неопределенности, когда концепции и заблуждения вступят в конфликт, и будет неясно, выйдет ли что-нибудь вообще из этой идеи, или какие-либо воззрения получат ли начало от нее. На первоначальные утверждения выдвинутой доктрины прольется новый свет; суждения и аспекты идеи будут аккумулироваться. Через некоторое время возникнет определенное учение; и с течением времени одна точка зрения будет видоизменяться или расширяться за счет другой, а затем соединяться с третьей, пока идея, к которой принадлежат эти различные аспекты, не станет для каждого ума в отдельности тем, чем вначале она была только для них всех вместе взятых. Она также будет рассмотрена в своем отношении к другим доктринам или фактам, к другим естественным законам или установленным обычаям, к различным обстоятельствам времени и места, к другим религиям, образам правления, философиям в зависимости от ситуации. То, как идея влияет на другие системы, как она видоизменяет их, до какой степени она может сочетаться с ними, насколько это допускается ими, когда она служит препятствием для них, – все это последовательно будет выясняться. Идею будут критиковать ее враги, и защищать доброжелатели. Множество мнений, сформированных относительно нее в этих и многих других отношениях, будут собраны, сравнены, отсортированы, просеяны, отобраны, отвергнуты, постепенно присоединены к ней или отделены от нее в умах индивидуумов и общества. В соответствии со своей природной силой и утонченностью идея будет введена в структуру и элементы общественной жизни, изменит общественное мнение, укрепит или подорвет основы учрежденного порядка. Таким образом, со временем она уже разовьется в Этический кодекс или в систему управления, или в теологию, или в ритуал, согласно своим возможностям. И этот корпус мысли, таким образом, кропотливо собранный, в конечном счете, будет лишь соответствующим представлением одной идеи, сущностью того, что идея означала сначала, ее законченным образом, видимым в комбинации разнообразных аспектов, с предложениями и исправлениями от многих умов и иллюстрацией большого накопленного опыта.

5.

Этот процесс, короткий или более длительный по времени, с помощью которого аспекты идеи будут приведены в последовательность и сформированы, я называю развитием, которое заключается в проращении и созревании некоторой истины или кажущейся истины на большом ментальном поле. С другой стороны, этот процесс не будет развитием, если совокупность аспектов, составляющих его конечную форму, не принадлежит идее, из которой они возникли. Республика, например, не является развитием из идеи чистой монархии, хотя она может последовать за ней; тогда как греческий «тиран» может считаться включенным в идею демократии. Кроме того, развитие будет характеризоваться тем, что, поскольку действие его развора-

²⁶ Лат., на первый взгляд.

чивается на сцене человеческой жизни, оно вообще не сможет прогрессировать, не разрушая, не видоизменяя и не соединяя с собой существующие способы мышления и действия. Таким образом, развитие идеи не похоже на исследование, разработанное на бумаге, в котором каждое последующее продвижение есть чистая эволюция из предыдущего; но здесь движение вперед происходит посредством сообщества людей, их лидеров и проводников, и оно использует их умы как инструменты и зависит от них, несмотря на то, что использует их. Итак, что касается существующих мнений, принципов, критериев и установлений сообщества, в которое идея вторглась, то она развивается, устанавливая взаимосвязи между собой и ими; она использует себя для придания им нового значения и направления, создавая то, что можно назвать юрисдикцией над ними, отбрасывая все, что в них не может быть ею ассимилировано. Идея растет, когда она что-то в себя включает, и ее идентичность обнаруживается не в изоляции, но в преемственности и суверенитете. Именно это придает истории, как государств, так и религий, особенно бурный и полемический характер. В этом заключается объяснение споров разных школ или парламентов. Все это – столкновения в различных аспектах стремящихся к совершенству идей, каждая из которых является смелой, захватывающей, сильной, более или менее несовместимой с остальными, спланированной последователей или волнующей противников, в соответствии с тем, как она воздействует на веру, предрассудки или интересы партий или классов.

6.

Кроме того, идея не только модифицирует, но и сама модифицируется или, по крайней мере, испытывает влияние обстоятельств, при которых она появляется, и зависит по-разному от обстоятельств, которые окружают ее. Развертывание идеи может начинаться быстро или медленно; порядок ее развертывания на отдельных этапах переменный; идея проявляется по-разному в небольшой сфере действия и в расширенной; развертывание ее может быть прервано, задержано, искажено, извращено внешним воздействием; оно может быть ослаблено усилием, освобождающим внутренних противников; оно может быть затруднено и отклоняться или даже быть поглощено мощными встречными идеями; может быть окрашено истинным оттенком мысли, в которой оно появилось, или извращено вторжением чужеродных принципов, или сильно разрушено разработкой некоторого изначального искажения в своих пределах.

7.

Однако каков бы ни был риск искажения идеи из-за ее взаимодействия с окружающим миром, такой риск может иметь место, поскольку великая идея надлежащим образом должна быть понята, и более того, она должна быть полностью проявлена. Необходимо выявление и расширение идеи испытанием и борьбой до ее совершенства и превосходства. Она не избегает столкновения мнений даже в наиболее раннее время своего существования, но остается верной самой себе, и лучшим утверждением ее будет считаться одно и то же ее утверждение, внешне защищенное от превратности понимания и изменения. Иногда говорят, что ручей наиболее чист вблизи своего истока. Независимо от того, как может быть использован этот образ, это не относится к истории философии или к вере, которая, в противоположность, становится наиболее спокойной, чистой, и сильной, когда ее русло становится глубоким, широким и полным. Она неизбежно поднимается над существующим положением вещей и пробует почву. Ее живой элемент нуждается в освобождении от внешнего и временного и служит мерой последующего освобождения, которое становится имеющим вид энергичный и многообещающий с течением лет. Ее исток не является мерилем ее возможностей, равно как и ее масштабов. Сначала никто не знает, что она есть такое или чего она стоит. Возможно, она остается в течение некоторого времени неподвижной, она делает попытки, подняться, как это бывает, и испытывает опору под собой, и нащупывает свой путь. Время от времени она делает попытки подняться, которые терпят неудачу, и впоследствии останавливается. Ей кажется неопределенным, каким путем идти, она колеблется, и, наконец, устремляется в одном избранном направлении. Со временем она вступает на незнакомую территорию, из-за этого появляются моменты полемики, оппо-

ненты поднимаются вокруг нее; опасности и надежды появляются в новых отношениях, и старые принципы возникают снова в новых формах. Она изменяется для того, чтобы оставаться прежней. В высшем мире все иначе, но здесь, внизу, жить, значит, изменяться, и, чтобы стремиться к совершенству, она должна изменяться часто.

§ 2. О видах развития идей

Попытаться точно проанализировать или полностью закончить перечисление процессов мышления, умозрительных или практических, которые подходят для идеи развития, превышает притязания Эссе, подобного представленному; однако, без некоторого общего взгляда на различные умственные упражнения, которые идут под этим названием, мы не будем иметь никакой защиты от неразберихи в наших рассуждениях и неизбежно подвергнемся критике.

1. Сначала нужно учесть, что слово «развитие» употребляется обычно и употребляется здесь в трех смыслах неупорядоченно из-за несовершенства нашего языка. С одной стороны, для обозначения процесса развития, с другой стороны – результата развития, и кроме того, как правило, для обозначения развития истинного или неистинного (то есть, верного или неверного идеи, от которой оно получило начало), либо исключительно для развития, заслуживающего этого названия. Ложное или неверное развитие более правильно назвать искажением.

2. Далее очевидно, что математическое развитие, то есть, комплекс истин, выведенных из математических определений или уравнений, не соответствует нашему настоящему предмету, однако, вместе с тем, аналогичен ему. Не может быть никакого искажения в таком развитии, поскольку оно сопровождается строгим доказательством; и выводы, в которых оно заканчивается, будучи необходимыми, не могут быть отклонениями от первоначальной идеи.

3. Здесь, конечно, не принимаются во внимание физические явления, такие, как развитие животного или растительного мира, за исключением того, что, как и математическое развитие, оно может рассматриваться как иллюстрация общего предмета, на который мы должны обратить наше внимание.

4. Также не рассматриваем мы вещественное развитие, которое, хотя и осуществляется в человеческой деятельности, все же является физическим, его называют национальным ресурсом. Мы говорим, например, об Ирландии, Соединенных Штатах или долине Инда, как местах, имеющих возможности великого развития, под этим мы подразумеваем, что эти страны имеют плодородные земли или обильные ресурсы, или широкие и глубокие реки, или центральные позиции для торговли, или вместительные и просторные гавани, то есть, материалы и орудия богатства, и все это нами не принимается во внимание. Развитие, в этом случае, пойдет через установление рынка, прокладывание каналов, строительство железных дорог, заводов, портов и через аналогичные работы, с помощью которых природные богатства страны могут принести наибольший доход и оказывать наибольшее влияние. В том же смысле искусство является развитием природы, то есть, приспособлением ее к целям полезности и красоты, причем, развивающей силой является человеческий интеллект.

2.

5. Когда общество и его различные классы и интересы являются предметом действующих идей, развитие можно назвать политическим, мы видим его в росте государств или изменении Конституции. Варвары нападают на южные регионы из алчности, и их правомочностью в этом является меч: это не какой-либо интеллектуальный процесс, не способ развития представлений в цивилизованном обществе. Там, где существует цивилизация, разум в той или иной форме является стимулом или причиной для развития. Когда империя расширяется, это происходит из-за призыва союзников или из-за баланса сил, или из-за необходимости демонстрации силы, или из-за страха за свои границы. Она располагается неуверенно на своей территории, является несформированной до конца, имеет нечеткую пограничную линию и недостаточные связи

между ее главными пунктами, или она незащищена, или имеет враждебных соседей. Так, в древности остров Эвбея был неотъемлемой частью Афин, а Цитерия – Спарты; и Август завещал удерживать Римскую Империю между Атлантическим океаном, Рейном, Дунаем, Евфратом, Аравией и пустынями Африки. На сегодняшний день, мы считаем Рейн естественной границей Франции, а Индию – восточной частью нашей Империи; и мы предполагаем, что в случае войны Пруссия изменит карту Европы. Развитие здесь материальное, но идея придает единство и силу его движению.

И вот, говоря о национальной политике, один из поздних авторов замечает в своем споре с Карлом [Первым] о Парламенте 1628-1629 годов, что он не только не посягал на справедливые полномочия ограниченного монарха, но и никогда не намекал на бумаги, необходимые для осуществления таких мер. Тем не менее, «двенадцать лет более чем регулярной агрессии, – он добавляет, – научили Долгий Парламент тому, что некоторые проникательные люди, возможно, уже начали понимать, что они должны поднять свою старую Конституцию из забвения, что они должны поддержать ее частичную слабость новыми документами, что для того, чтобы сделать существование монархии совместимым с существованием свободы, они должны не только лишиться монархии всего, что она узурпировала, но и чего-то еще» [1]. Какова бы ни была ценность теории этого автора, его факты или представления являются иллюстрацией политического развития.

Кроме того, на сегодняшний день то, что Ирландия должна иметь население одного вероисповедания, а Церковь – другого, считается политическим устройством настолько неудовлетворительным, что все стороны, возможно, согласны, что население будет развивать власть, а политическая элита – влияния.

Политическое развитие, несмотря на то, что является действительным развитием идей, часто причудливо и нерегулярно по своей природе. Оно находится под влиянием личностей монархов, взлетов и падений государственных деятелей, исхода сражений и бесчисленных превратностей мира. «Возможно, греки все еще были бы вовлечены в ересь Монофизитства, – говорит Гиббон, – если бы конь Императора, к счастью, не споткнулся. Феодосий скончался, его ортодоксальная сестра [Пульхерия] добилась успеха и взошла на Престол» [2].

3.

Кроме того, часто или же обычно оказывается, что различные отдельные и несовместимые части идеи обнаруживаются при зарождении или в период становления убеждений или концепций, и некоторые из этих частей должны быть выброшены прежде любого их достаточного развития, если оно имеется. И они обычно отвергаются при постепенном возрастании сложности. Правление Карла Первого, о котором только что шла речь, дает наглядный пример этого.

Иногда несогласованные идеи долгое время связаны общим внешним выражением или наименованием. Так происходит с коалициями в политике и толкованиями в религии, от этого обычно ничего хорошего не следует ожидать. Обычная функция комиссий и коллегий и единственная цель примирений и уступок – сделать противоположные взгляды подобными и обеспечить внешнее согласие там, где нет другой возможности соединения.

Кроме того, развитие, перемены, реформы, революции и изменения различных видов перемешаны с фактической историей государств, философских направлений, следовательно, очень трудно показать их в каком-либо научном анализе.

Часто интеллектуальный процесс отделен от практического, предшествующего ему. Соответственно, после того, как Елизавета I узаконила Реформацию, Хукер сформулировал новую теорию Церкви и Государства, как одного и того же, отличающегося только в представлении; а после Революции и ее политических последствий, Уорбертон написал свой «Союз»²⁷.

²⁷ Уорбертон У. О союзе Церкви и государства» (The alliance between Church and State) (1736).

И теперь опять нужна новая теория для конституционного законоведа, чтобы примирить существующее политическое состояние вещей с обоснованными требованиями религии. И, кроме того, в парламентских конфликтах люди сначала приходят к своим выводам под давлением внешних обстоятельств или под влиянием принципов, не зная как; затем они должны сделать заявление, и они ищут аргументы; и тогда публикуется памфлет на тему дебатов или появляется статья в «Обзоре», чтобы представить общие положения для многих.

Иное развитие, хоть и политическое, строго дисциплинировано и является результатом идей, которые оно представляет. Таким образом, философия Локка была реальным руководством к действию, а не просто оправданием эпохи Революции, воздействующей насильственно на Церковь и Правительство в его время и после его смерти. Подобными были теории, которые предшествовали свержению старого режима во Франции и других странах в конце прошлого века.

Однако же, пожалуй, существуют способы правления, основанные не на идеях совсем, но на традиции, как у азиатов.

4.

6. В ином развитии интеллектуальный характер так заметен, что оно может даже быть названо логическим, как в англиканской доктрине Королевского Верховенства²⁸, которая была создана в судах, а не в кабинете министров и не на местах. Следовательно, она проводилась в жизнь последовательно и с сиюминутной применимостью, которая в истории конституций не обнаруживается. Она существует не только в уставах, статьях или клятвах, она реализуется в деталях, как например, в *congé d'élire*²⁹ и письме-послании при назначении Епископа, в церемониях в Тайном Совете, в Государственных Молитвах, в определенном порядке, который наблюдаются в Книге Общей Молитвы, где всемирная или абстрактная Церковь предшествует Королю, но национальная или реально существующая следует за ним, в печатании его имени прописными буквами, в то время как Святых Имен – строчными буквами, в установлении его оружия в церквях вместо Распятия: кроме того, пожалуй, в том, что «подстрекательство, тайный сговор и восстание» на молебне произносится раньше, чем «ложное учение, ересь и раскол».

В свою очередь, когда какая-либо новая философия или ее часть вводится как критерий законодательной власти или как уступка, сделанная по отношению к политической партии, торговой или сельскохозяйственной политике, часто говорят: «Мы не видели конца этого», «Это важно для будущих уступок», «Наши дети увидят», и мы чувствуем, что эта философия имеет неизвестное происхождение и непонятные пути развития.

Допуск евреев в муниципальные органы власти в последнее время защищается [3] на том основании, что это не есть введение какого-то нового принципа, но развитие одного из общепринятых; предпосылки к этому были определены очень давно, и ныне следует лишь получить результат; что нам не дано исследовать, что должно быть сделано абстрактно, так как нет идеальной модели для непогрешимого руководства народами; что изменение – это только вопрос времени, и что есть время для всех вещей; что применимость принципов не должна выходить за рамки существующего положения, не только предшествующего настоятельной потребности, но и последующего; что евреи в последнее время фактически были избраны в муниципальные органы, и что закон не может отказать в легитимности таким выборам.

5.

7. Следующий вид развития может быть назван историческим, это постепенное формирование мнения о людях, фактах и событиях. Суждения, которые сначала были известны

²⁸ Под давлением Генриха VIII парламент в 1534 г. принял «Акт о супрематии» (то есть о верховенстве), провозгласив монарха верховным главой Английской Церкви.

²⁹ Англ., разрешение избрать, формальное сообщение о передаче разрешения от короля в Англии для настоятеля кафедрального собора, дающее право избрать епископа, назначенного кандидатом в епископы.

среди немногих, затем распространяются в обществе и получают всеобщее признание, благодаря накоплению и совпадению многих свидетельств. Таким образом, некоторые авторитетные утверждения перестают существовать, а другие приобретают свое обоснование и, в конце концов, принимаются как истина. Суды, парламентские слушания, газеты, письма и другие исторические документы, труд историков и биографов, ошибки разных лет, которые допускали спорящие стороны, предубеждения – все это на сегодняшний день инструменты такого развития. Вот потому Поэт называет Истину дочерью Времени [4]. Так делается подробная оценка трудов и личностей. История не может быть написана иначе, как после случившихся событий. Так, путем развития, был сформирован Канон Нового Завета. Таким же образом общественные деятели довольствуются тем, что оставляют свою репутацию потомкам; во мнениях могут быть большие расхождения, более того, Святые иногда переживают оппозицию и поношение. Однако Святые канонизируются в Церкви через много лет после того, как они упокоились.

6.

8. Этическое развитие не является подходящим предметом для споров и дискуссий, но является естественным и персональным, и то, что желательно, благочестиво, уместно, великодушно, выражается в строго логических выводах. Епископ Батлер приводит нам замечательный пример в начале второй части своей «Аналогии». Как принципы подразумевают их применение, а общие утверждения включают частности, так, говорит он нам, определенные отношения подразумевают подходящие им обязанности, а определенные объекты требуют соответственных действий и чувств. Он говорит, что нам не было предписано прямо оказывать божественные почести Второму и Третьему Лицу Святой Троицы, но то, что говорится о Них в Писании, было достаточным основанием, косвенным предписанием, более того, обоснованием для этого. «Не вытекает ли, – он спрашивает, – обязанность религиозного поклонения этим Божественным Лицам непосредственно, с точки зрения разума, из самой природы таких обязанностей и отношений, подобно тому, как внутренняя добрая воля и доброе намерение, которыми мы обязаны нашим ближним, вытекают из общих взаимоотношений между ними и нами?» Далее он говорит о внутренних религиозных потребностях в благоговении, чести, любви, доверии, благодарности, страхе Божиим, надежде. «Каким внешним способом должно быть выражено это внутреннее поклонение – это чисто вопрос предписания; ... но поклонение, само внутреннее поклонение Сыну и Святому Духу, не есть чисто вопрос предписания; поскольку отношения известны, обязательства по такому внутреннему поклонению являются обязанностями разума, вытекающими из самих этих отношений». Это и есть развитие доктрины поклонения, параллельные примеры которой, очевидно, должны быть обнаружены в Церкви Рима.

7.

Далее следует упомянуть развитие, противоположное тому, о котором говорит Батлер. Так как определенные объекты пробуждают определенные эмоции и чувства, поэтому определенные чувства, в свою очередь, подразумевают определенные объекты и обязанности. Таким образом, совесть, существование которой мы не можем отрицать, – доказательство доктрины Морального Управляющего, который один лишь и придает ей значение и цель; другими словами, учение о Судье и Грядущем Суде является развитием феномена совести. Кроме того, очевидно, что страсти и зависимости действуют в нашем сознании до того, как появляются соответствующие им объекты; и их действие должно, конечно, быть априорным доказательством предельной убедительности реального существования страстей, если мы предполагаем, что они неизвестны. Итак, социальный принцип, который является врожденным в нас, дает божественную санкцию обществу и гражданскому правительству. И использование молитв за умерших подразумевает определенные обстоятельства, когда они необходимы. А обряды и церемонии – естественные средства, через которые ум облегчает себе благочестивые и покаянные чувства. И иногда культивирование благоговения и любви к величайшему, возвышеннейшему и неви-

димому, приводит человека к отказу от своей частности (секты) ради какой-либо более ортодоксальной формы вероучения.

Аристотель дает нам пример такого типа развития в своем рассказе о счастливом человеке. После того, как он показывает, что счастье этого человека включает, по своей сути, все то, что доставляет удовольствие, что является наиболее очевидной и популярной идеей о счастье, он продолжает, что ему все еще необходимы некие блага, о которых, тем не менее, определение о счастье ничего не говорит; то есть, определенное благоденствие связано с неким внутренним состоянием счастливого человека, а не с логической необходимостью. «Ибо невозможно, – он замечает, – или нелегко быть в высшем благоденствии без достаточных средств. Многие блага для человека вещи совершаются посредством друзей, богатства и политической власти; но есть некоторые вещи, отсутствие которых является облаком, закрывающим солнце счастья, такие, как благородное рождение, многообещающие дети и внешность; человек совершенно уродливый или родившийся в низкой доле, или бездетный, не может полностью быть счастливым: и он еще менее счастлив, если он имеет никудышных детей или друзей или они были хороши, но умерли» [5].

8.

Этот процесс развития хорошо был описан ныне живущим французским автором, в его «Лекциях о Европейской цивилизации», на которые следует сослаться более подробно. «Если мы сведем религию, – он говорит, – исключительно к религиозному чувству, то станет очевидным, что она должна остаться чисто личным интересом. Но я либо необыкновенно ошибаюсь, либо такое религиозное чувство не будет являться полным выражением религиозной природы человека. Религия, я полагаю, весьма отличается от религиозного чувства, и является гораздо более широким понятием. В человеческой природе, в человеческих судьбах есть проблемы, которые не могут быть разрешены в этой жизни, и которые зависят от вещей, не связанных с видимым миром, но которые постоянно волнуют человеческий ум, вызывая желание понимать их. Решение этих проблем является источником всей религии, и ее главная задача состоит в том, чтобы обнаружить вероучения и доктрины, которые содержат или должны содержать его».

«Обращаться к религии человечество побуждает также другая причина... Откуда берется нравственность? Куда она ведет? Является ли она самосущим обязательством делать добро, обособленным явлением без автора, без результата? Не скрывает ли она, вернее, не открывает ли она человеку свое происхождение, свое предназначение за пределами этого мира? Наука о нравственности этими спонтанно возникающими и неизбежными вопросами о поведении человека приводит его к порогу религии и показывает ему сферы, куда он не имел доступа. Таким образом, несомненные и неизменные источники религии – это, с одной стороны, проблемы нашей природы; с другой – необходимость искать для нравственности санкцию, первоисточник и цель. Поэтому религия принимает много других форм, кроме чистого религиозного чувства; она является соединением доктрин, предписаний, обетований. Вот это и есть то, что действительно составляет религию; это ее фундаментальная характеристика; религия – не просто форма чувствования, импульс воображения или разновидность поэзии».

«Возвращаясь к своим истинным элементам, к своей сущностной природе, она не является больше чисто личным интересом, но мощным и плодотворным принципом объединения. Рассматривается ли она в свете системы веры или системы догм? Истина не является достоянием какого-либо отдельного человека, она абсолютна и универсальна; человечество должно искать и исповедовать истину совместно. Рассматривается ли она со ссылкой на предписания, связанные с вероучением? Закон, который обязателен для одной личности, является таковым для всех; он должен быть обнародован, и наша обязанность – пытаться привести все человечество под его доминион. То же самое относится и к обещаниям, которые дает религия от имени своего вероучения и заповедей, они должны быть распространены, люди должны быть побуждены воспользоваться их благами. Религиозное сообщество, следовательно, естественно

образуется из существенных элементов религии, и оно есть такое неизбежное следствие их, что термин, который точно выражает наиболее энергичное социальное чувство, наиболее интенсивное желание распространять идеи и расширять сообщество – это термин прозелитизм, термин, который особенно приложим к религиозной вере и фактически посвящен ей».

«Когда религиозное сообщество сформировано, когда определенное количество людей объединено общим религиозным вероучением, руководствуется одними и теми же религиозными заповедями и осуществляет одни и те же религиозные надежды, ему необходим какой-либо образ правления. Никакое общество не выдержит и недели, и более того, никакое общество не выдержит и одного часа без управления. Действительно, в тот момент, когда общество образуется, оно самим фактом своего образования требует управления, правительства, которое провозглашает общую истину, являющуюся связующей для общества, а также провозглашает и отстаивает предписания, которые эта истина должна производить. Необходимость высшего авторитета, как формы управления, сопровождает и факт существования религиозного общества, как и любого другого.

«И управление не только необходимо, но оно само естественно формируется... Когда события развиваются естественно, когда не мешает внешнее принуждение, властные полномочия попадают в руки наиболее способных, наиболее достойных, тех, кто в наибольшей степени правомочен осуществлять принципы, на которых основано общество. Нужен обществу военный лидер? Тогда самый смелый принимает командование. Является ли задачей общества научные исследования или научные предприятия? Тогда наилучшим образом осведомленный будет лидером... Неравенство способностей и влияния, которое является обоснованием власти в гражданской жизни, имеют тот же эффект в религиозном обществе... Не успела религия возникнуть в человеческом уме, как уже появляется религиозное общество; и как только религиозное сообщество формируется, оно производит свое правительство» [6].

9.

9. Осталось сослаться на то, что если какое-то понятие употребляется неопределенно и разнообразно, я бы назвал это метафизическим развитием; я имею в виду то, что является простым анализом идеи, обдумыванием и завершением ее точным и полным определением. Так Аристотель изобразил характер великодушного или щедрого человека, так Шекспир смог задумать и создать своего Гамлета или Ариэля, а Вальтер Скотт смог постепенно выпестовать своего Джеймса или Делгетти, по мере того, как действие его повествования продолжалось; и подобным образом в священной области богословия ум также может быть использован для развития важных идей, которые он сначала принял неявно (*implicitly*) и не подчинял их своим рефлексивным и рассуждающим силам.

Я уже обращался к этому предмету подробно со ссылкой на самый высший теологический предмет в одной из предыдущих работ, из которой будет достаточным здесь сделать ссылки на некоторые высказывания для объяснения.

«Ум, который приучен к размышлению о Боге, Христе, Святом Духе, естественно с благоговейным интересом обращается к изучению объекта своего поклонения и начинает создавать утверждения относительно него прежде, чем поймет, куда или как далеко это его заведет. Одно утверждение обязательно предполагает следующее, и второе, и третье; и тогда требуется определенное ограничение; комбинация противоположностей вызывает некоторую эволюцию первоначальной идеи, которая на самом деле не может никогда быть полностью исчерпана. Этот процесс и есть развитие, и он имеет следствием последовательность или, скорее, корпус догматических утверждений: развитие продолжается до тех пор, пока то, что было отпечатком в мысленном образе, не станет системой или вероучением в Разуме».

«Такие отпечатки, очевидно, отдельные и завершенные, выше других богословских идей, поскольку они являются отпечатками Объектов. Сами идеи и их проявления обычно не одинаковы, так как развитие есть не что иное, как претворение идеи в ее следствия. Таким обра-

зом, доктрина Покаяния может быть названа развитием доктрины Крещения, но все же, сама является отдельной доктриной; между тем, как развитие доктрин о Святой Троице и Воплощении – просто части единого первоначального впечатления и способы его представления. Как Бог един, так и впечатление, которое Он дает нам о Себе, едино; это не предмет, состоящий из частей; это не система; это не что-либо неполное и требующее дополнения. Это откровение объекта. Когда мы молимся, мы молимся не совокупности понятий или представлений, а Одной Личности; и когда мы говорим о Нем, мы говорим о Личности, а не о Законе или Проявлении... Религиозные люди, согласно своим возможностям, имеют идею или откровение о Святой Троице в Единстве, Сыне Воплощенном и Его Присутствии, не как о множестве качеств, атрибутов и действий, не как о предмете множества суждений, но как о едином, отдельном и независимом от слов, как о впечатлении, передаваемом через чувства... Вероучение и догматы живут в одной идее, которую они предназначены выразить, и которая только и является субстантивной; и они необходимы, поскольку человеческий ум не может отражать эту идею иначе, как по частям, не может использовать ее в единстве и целостности или без расщепления ее на ряд аспектов и соотношений» [7].

10.

Так много в развитии идей различного субъективного содержания: это может быть необходимость в дополнении, во многих случаях развитие буквально означает проявление, как в некоторых примерах, приведенных выше. Поэтому и Кальвинизм, и Унитаризм могут быть названы развитием, то есть, проявлением принципа Личного Суждения, однако же, они не имеют ничего общего, если рассматривать их как доктрины.

В отношении Христианства, если представить истины, из которых оно состоит, чтобы допустить развитие, то это развитие будет тем или иным из следующих пяти видов. Возьмем Воплощение как центральную доктрину, тогда епископат, как учил Святой Игнатий, будет примером управленческого развития, Богородица – логического, определение даты рождения нашего Господа – исторического, Святое Причастие – нравственного, а Афанасьевский Символ Веры – метафизического развития.

Примечания

1. Hallam's Constit. Hist. ch. vii. P.572.
2. ch. Xlvii.
3. Times newspaper of March, 1845/
4. Crabble's Tales.
5. Eth. Nic. i. 8.
6. Guizot, Europ. Civil., Lect. v., Beckwith's Translation.
7. [Univ. Serm. xv. 20-23, pp. 329-332, ed. 3].

Глава 2. Априорный аргумент в развитии христианского вероучения

§ 1 Развитие вероучения, которое предполагается.

Возражения.

Свидетельства:

Применимость в изменяющихся обстоятельствах.

Вопросы, на которые не отвечает Священное Писание.

Метод изучения Священного Писания.

Политическое развитие в Священном Писании.

Структура и стиль Священного Писания.

Притчи.

Аналогии из мира природы.

§ 2. Непогрешимое развитие авторитета, которое ожидается.

Развитие вероятное – что это такое?

Потребность в авторитетной санкции.

Возможность существования внешнего авторитета.

Возражения:

Непогрешимость как трудность при доказательстве развития.

Непогрешимость мешает осуществлению веры.

Аналогии из мира природы.

Библия как непогрешимый источник.

Современная потребность в непогрешимом авторитете.

Развитие в соответствии с непогрешимым авторитетом и его альтернативы.

§ 3. Существующие проявления вероучения как вероятное исполнение ожиданий.

Отсутствие развития, приписываемое Католичеству.

Общее мнение о католической системе вероучения.

Католическая Церковь как Церковь Святых Амвросия и Афанасия.

Примечания.

§ 1. Развитие вероучения, которое предполагается

1. Если Христианство является фактом и отпечатанной в нашем уме идеей, а также предметом деятельности разума, то эта идея со временем разовьется во множество идей и их аспектов, взаимосвязанных и гармоничных по отношению друг к другу, а самих по себе определенных и неизменных, как и сам объективный факт, который так представляется. Характерной чертой нашего ума является то, что он не может воспринять объект, который представлен ему просто и целостно. Мы постигаем объект с помощью определений или описаний; цельные объекты не порождают в нашем уме цельных идей, но, пользуясь математической фразой, разбиваются на ряды, т. е. на ряд формулировок, уточняющих, интерпретирующих, исправляющих друг друга и с большей или меньшей точностью приближающих нас, по мере своего накопления, к совершенному образу. Нет никакого другого пути изучения или преподавания. Мы не можем изучать иначе, кроме как через аспекты или воззрения, которые не идентичны самому предмету, о котором мы говорим. Два человека могут передавать одну и ту же истину третьему разными способами и через разные представления. Один и тот же человек будет рассматривать одно и то же доказательство по-разному в речи или в эссе, в зависимости от случая, времени написания или аудитории, но все же оно останется одно и то же.

И чем больше утверждений о том, что идея жива, тем больше будет у нее разнообразных аспектов, тем более общественной и политической будет ее природа, тем сложнее и утонченнее будут ее проблемы, и тем более длинным и полным событий будет ее курс. И в числе таких – специальные идеи, которые из-за своей глубины и богатства не могут сразу быть поняты полностью, но длительно все более и более точно определяются и изучаются, они рассматриваются во многих аспектах и многих отношениях, которые взаимно соединяются и вырастают один из другого, и все они являются частями целого, в соответствии и взаимовлиянии они идут в ногу с непрерывно изменяющимися потребностями мира, многообразно, плодотворно и всегда изобретательно. Среди таких великих доктрин, несомненно, мы, христиане, не можем не отвести главное место Христианству. Таким же заранее определенным фактом должно быть наше ожидание относительно него вследствие предположения о его основополагающих достижениях.

2.

Можно возразить, что боговдохновенные тексты Христианства сразу же определяют пределы своей миссии без дальнейших затруднений; но идеи приходят к пишущему и читающему их из откровения, не из боговдохновенного текста, как такового. И вопрос заключается в том, достигают ли те идеи, которые текст передает от автора к читателю, точности сразу же в своей полноте и при первом восприятии их, или же они раскрываются в сознании и растут до совершенства с течением времени. Нельзя, конечно, утверждать без преувеличения, что буква Нового Завета или любого определенного количества книг охватывает описание всех возможных форм, которые божественное Откровение примет, когда оно будет представлено множеству умов.

Точно также в случае изменений мы предполагаем, что вдохновение было передано нам от первых получателей Откровения, потому что Божественный закон воздействовал на растения и семена вначале, и лишь в зрелости появились плоды. И, в конце концов, наступило время, когда его получатели перестали быть вдохновенными; и от этих получателей обнаруженные идеи спустились вниз, как и в других случаях, сначала неопределенно и в целом, хотя в духе и истине, а впоследствии они были бы дополнены развитием.

Точно также не может быть настоящим затруднением и то, что якобы, если таким образом трактовать Христианство, значит, приравнивать его в некотором роде к сектам и учениям мира и приписывать ему несовершенства, характеризующие произведения человека. Несомненно, это своего рода уничтожение божественного труда, когда Христианство рассматривается под тяжестью земной формы; однако это не является непочтительным, поскольку наш Господь, Создатель и Попечитель Христианства, шел тем же путем. Христианство отличается от других религий и философий тем, что оно супердобавлено земле от неба; оно отличается не по роду, но по происхождению; не по своей природе, но по своим характеристикам, его информирует и оживляет что-то большее, чем интеллект, а именно, божественный дух. Внешне Христианство есть то, что Апостол называет «глиняным сосудом», ведь оно является религией людей. И рассматривая его так, он считает, что Христианство, как таковое, возрастает «в мудрости и стати», но сила, которой оно владеет, и слова неизреченные подтверждают его сверхъестественное рождение.

Если только не будет дано какого-то особого основания для исключений, то одинаково очевидно и что Христианство, его учение и культ будут развиваться в умах получателей, и что оно в других отношениях, в своем внешнем распространении или в своей политической структуре, соответствует общим методам, с помощью которых осуществляется ход вещей.

3.

2. С другой стороны, если Христианство является универсальной религией, подходящей не просто для одной территории или одного периода, но и для всех времен и мест, оно не может не изменяться в своих отношениях с миром вокруг него, то есть, оно будет развиваться. Принципы требуют очень разнообразного применения в зависимости от того, как меняются

люди и обстоятельства, и должны быть облечены в новые формы, согласно образу общества, на которое они должны влиять. Поэтому все группы христиан, ортодоксальные они или нет, развивают доктрины Священного Писания. Немногие, однако, не согласятся с тем, что взгляд Лютера на оправдание никогда не был выражен словами до его времени, что его фразеология и его позиции были новыми, независимо от того, определены ли они были внешними обстоятельствами или нет. Столь же несомненно, что доктрина оправдания, определенная Трентским Собором, была, в некотором смысле, также новой. Опровержение и исправление ошибок не могут предшествовать их возникновению; и поэтому факт ложного развития или искажений влечет за собой соответствующее проявление истинного развития. Кроме того, обе стороны апеллируют к Священному Писанию, то есть, спорят о Священном Писании; однако, доказательство подразумевает вывод, то есть, развитие. Здесь нет различия между ранними и поздними временами, между Римским Папой *ex cathedra*³⁰ и отдельным протестантом, за исключением того, что их авторитет не равен. Хотя с обеих точек зрения притязания на авторитет и на процесс развития одинаковы.

Соответственно, общая причина недовольства протестантов Римской Церковью заключается не в том, что та дополнила первоначальную или Библейскую доктрину (ибо это они делают и сами), но в том, что она противоречит ей, и кроме того, навязывает ей дополнения как фундаментальную истину, подчиненную санкции анафемы. Сами они делают заключения очень тонким методом и действуют на основании доктрин, очень неявных, и на основании причин, очень мало проанализированных в прошлом, как и у ортодоксальных учителей. Известно ли Королевское Верховенство в Новом Завете или законность ношения оружия, или обязанность публичного богослужения, или замена первого дня недели седьмым, или детское крещение, не говоря уже о фундаментальном принципе, что Библия и только Библия – религия протестантов? Эти доктрины и обычаи, истинные они или нет, о чем здесь не идет речь, несомненно, приобретаются не прямым использованием и непосредственным применением Священного Писания, не простым упражнением в доказательстве на основании слов и предложений, помещенных перед глазами, а бессознательным ростом идей, предложенных через букву и характерных для духа.

4.

3. И действительно, если мы обратимся к рассмотрению отдельных доктрин, для формирования которых Священное Писание имело самое большое значение, мы увидим, что абсолютно невозможно для этих доктрин остаться просто в букве Священного Писания, если они должны быть не просто словами, но выражать определенную идею для людей, воспринимающих их. Когда провозглашается, что «Слово стало плотью», тогда три больших вопроса открываются для нас в самом этом заявлении: что подразумевается под «Словом», что под «плотью», и что означает «стало»? Ответы на эти вопросы запускают процесс исследования и являются развитием доктрины. Кроме того, когда ответы будут готовы, они вызовут серии дополнительных вопросов; и таким образом, в конце концов, результатом станет множество утверждений, которые соберутся вокруг инспирированного утверждения, от которого они получили свое существование, придав ему внешнюю форму доктрины и создав или углубляя его идею в уме.

Верно то, что, поскольку такие утверждения Священного Писания являются тайнами, для нас они являются только словами, и мы не можем их развивать. Но как тайна подразумевает отчасти то, что непостижимо или, по крайней мере, неизвестно, так она отчасти подразумевает и то, что не является таковым; тайна подразумевает частичное проявление или упрощенное представление. Поскольку в таком случае тайны в какой-то мере становятся понятны, они могут развиваться, хотя каждый вывод в процессе развития будет иметь неясность и неопределенность первоначального впечатления.

³⁰ Лат., с кафедры, авторитетно.

5.

4. Помимо того, следует учесть, что о предмете, о котором говорит Писание, существуют большие вопросы, которые Писание не объясняет; вопросы настолько реальные, настолько практические, что на них следует ответить, и, если мы не допускаем новое откровение, на них следует ответить, основываясь на откровении, которое мы имеем, другими словами, через его развитие. Таков есть вопрос относительно Канона Священного Писания и его боговдохновенности; вопрос заключается в том, зависит ли Христианство от письменных свидетельств, как Иудаизм; если это так, то какие это документы и сколько их; какие из этих документов являются частной интерпретацией, какие требуют комментариев, и подходит ли здесь какой-либо авторитетный комментарий или комментатор; соизмеримы ли откровение и документ, или одно превосходит другое. Все эти вопросы, несомненно, не находят никакого явного решения в Священном Писании, а также в доказательствах большинства людей, как бы медленно и усердно они их ни исследовали. Насколько нам известно, эти трудности не были разрешены авторитетно в начале развития религиозного учения; вполне возможно, что Апостол мог рассеять эти затруднения несколькими словами, проявив этим Божественную Мудрость. Однако действительное разрешение этих затруднений было отложено из-за медленного процесса мышления, взаимовлияния мнений, высказываемых в дискуссии, и ради накопления выводов.

6.

Возьмем другой пример: если был пункт, для которого правило было желательно с самого начала, он касался религиозных обязанностей, на которые христианские родители полагаются в том, что касается их детей. В самом деле, было бы естественно для любого христианского отца, при отсутствии правила, привести детей для крещения; таковым в данном случае было бы практическое развитие его веры во Христа и любви к своему потомству; это развитие, несомненно, необходимое, хотя, насколько мы знаем, оно не было предусмотрено прямым предписанием в Откровении, каким оно было первоначально дано.

Другой обширной областью мысли, полной практических соображений, хотя, насколько мы знаем, только частично отраженной в каких-либо апостольских суждениях, является вопрос о последствиях Крещения. То, что пришедшие в покаянии и вере к этому Священному Таинству, получили отпущение грехов, несомненно, есть учение Апостолов; однако есть ли какое-либо средство прощения грехов, совершенных после Крещения? Послания Святого Павла, в которых мы могли бы ожидать найти ответ на наш вопрос, не содержат никаких явных (explicit) утверждений на этот счет; то, что они прямо утверждают, не уменьшает трудности, во-первых, что Крещение предназначено для прощения грехов, совершенных перед ним, не впоследствии; во-вторых, что те, кто получил дар Крещения, фактически живут в состоянии святости, а не греха. Насколько такие утверждения, как эти, соответствуют фактическому состоянию Церкви, которое мы находим сейчас?

Принимая во внимание, что было ясно сказано, что Царство Небесное подобно сети рыбака, и следует собирать все, и что плевелы должны расти вместе с пшеницей, пока не наступит жатва, нельзя представить себе более серьезного и более практического вопроса, чем тот, который Божественный автор Откровения пожелал оставить нерешенным, если только в том Откровении не было дано средств для его собственного роста или развития. Что касается буквы инспирированного послания, каждый, кто считает, что Священное Писание – это правило веры, как и все протестанты, должен признать, что «нет ни одного из нас, не нарушивших преступлением божественный закон, и не находящих себя впоследствии в тех бесконечных просторах Божественной Любви, которые сохраняются во Христе, хотя это и не было отражено в определениях Евангелия» [1]. С тех пор, как Священному Писанию требуется полнота, вопрос сводится к одному: является ли недостаточность или зачаточность (inchoateness) его доктрин априорной вероятностью в пользу их развития или нет.

7.

Есть еще один вопрос, хотя и не столь непосредственно практический, о котором Священное Писание, строго говоря, не умалчивает, но говорит меньше, чем это требуется, и больше на него намекает. Это вопрос о промежуточном состоянии человека в период между его смертью и Всеобщим Воскресением. Если принять во внимание длинный интервал времени, который разделяет Первое и Второе Пришествие Христа, а также миллионы верующих душ, которые ожидают Второго Пришествия, и личное участие, которое каждый христианин принимает в определении отличительных признаков Второго Пришествия, можно было бы ожидать, что Священное Писание будет говорить об этом явно (*explicitly*), тогда как фактически сведения о Втором Пришествии кратки и малопонятны. Мы действительно можем утверждать, что это молчание Писания было намеренным, с целью расстроить спекуляции на эту тему; но есть еще одно обстоятельство; как и в вопросе о нашем посткрестильном состоянии, это учение, по-видимому, исходит из гипотезы, которая не соответствует состоянию Церкви через некоторое время после того, как этот вопрос был первоначально разъяснен. Поскольку Священное Писание рассматривает христиан не как вероотступников, но как святых, оно, очевидно, предполагает, что День Суда незамедлительно наступит, а интервал ожидания его – мимолетен. Создается общее впечатление, что Христос возвратится на землю сразу, «в короткое время», поэтому мирские дела вытеснялись «явленными страданиями», преследователи были упорными, а христиане – безгрешными и ожидающими Второго Пришествия, без дома, без планов на будущее, взирающими вверх, в небеса. Но внешние обстоятельства затем изменились, и с этим изменением по необходимости потребовалось иное применение богооткровенного слова, то есть, его развитие. Когда многие народы были обращены в Христианство, и соблазны появились в изобилии, Церковь рассматривалась, с одной стороны, как светское учреждение, с другой – как исправительная система; и проповедь Священного Писания содействовала и направляла развитие, которое прежде было менее заметно. С этих пор появились две доктрины: доктрина Епитимьи, как дополнения Крещения, и доктрина Чистилища, как объяснения Промежуточного Состояния. Это расширение первоначального вероучения было настолько разумно, что, когда прошло около десяти лет с тех пор, как истинное учение о Крещении было установлено среди христиан без какого-либо упоминания Епитимьи, наш учитель был обвинен многими из нас в Новатианстве; хотя, с другой стороны, среди неортодоксальных богословов до сих пор есть сторонники доктрины сна души, которые считают, что это является успешным предотвращением веры в Чистилище.

8.

Таким образом, наличие развития Христианства доказывается при изучении его Божественного Автора через доказательство, аналогичное тому, посредством которого мы делаем вывод о разумности в системе физического мира. В каком бы смысле потребность и ее обеспечение ни были доказательством замысла в видимом творении, точно так же и пробелы, если можно употребить это слово, которые встречаются в структуре первоначального вероучения Церкви, делают вероятным, что то развитие, которое вырастает из истин, лежащих вокруг него, было предназначено для того, чтобы заполнить эти пробелы.

Нельзя также справедливо возразить, что, рассуждая таким образом, мы противоречим великому философу, который говорит нам, что «...исходя из предположения, что Бог дает нам свет и руководство посредством Откровения в дополнение к тому, что Он дал нам через разум и чувственный опыт, мы никоим образом не можем судить, какими методами и в какой пропорции можно было бы ожидать, что этот сверхъестественный свет и наставление будут даны нам» [2]; таким образом, философ упоминает об отсутствии у нас суждения перед тем, как дано откровение. Он замечает, что «...мы не имеем никаких разумных принципов, чтобы оценить заранее, каким должно было бы быть ожидаемое Откровение, или, что было бы самым подходящим для божественного плана управления» в различных отношениях; но дело совершенно меняется, когда Откровение дается, ибо тогда вводится новый прецедент, или то, что он

называет «принципом разума», и из того, что действительно попадает в наши руки, мы можем составить суждение о том, следует ли ожидать большего. Батлер, действительно, как показывает данная цитата из его работы, далек от отрицания принципа прогрессивного развития.

9.

5. Логика откровения, наблюдаемая в Священном Писании, подтверждает эти ожидания. Например, Пророчество, если оно уже реализовалось, не должно было бы давать образец развития; отдельные предсказания могли бы быть сделаны, чтобы накапливаться с течением времени, могли бы открываться перспективы; определенное знание могло быть дано через источники, независимые друг от друга, как например, Евангелие Святого Иоанна или Послания Святого Павла не связаны с первыми тремя Евангелиями, хотя каждый Апостол раскрывает в своей доктрине собственное содержание. Но пророческое Откровение на самом деле не имеет такой природы, а является процессом развития: более ранние пророчества полны скрытого содержания, из которого вырастают последующие смыслы; они являются образцами. Дело не в том, что была сначала одна истина, затем другая; но вся истина или большая часть ее была сразу, но только в своем зачатке или в миниатюре, затем истина расширялась и совершенствовалась в своих частях в направлении развития откровения. Семя женщины должно было поразить змея в голову; скипетр не должен был отойти от Иуды до того, как придет Примиритель, которому предстояло собрать народы. Он должен был быть Чудом, Защитником, Князем Мира. И вопрос эфиопа возникает в уме читателя: «Какой Пророк утверждает это?» Каждое слово требует объяснения. Таким образом, нет ничего необычного в теории неверующих, которые предполагают, что Мессианская идея, как они называют это, постепенно развивалась в умах евреев, благодаря постоянной и традиционной привычке созерцать ее, и достигла своих полных размеров простым человеческим процессом; и кажется несомненным, без копания в доктрине боговдохновенности, что книги Мудрости Экклезиаста являются усовершенствованием писаний Пророков, выраженных или установленных с помощью современных для того времени идей греческой философии, и, в конечном счете, принятых и утвержденных Апостолом Павлом в его Послании к евреям.

10.

Однако, вся Библия, а не только ее пророческие книги, основана на принципе развития. Откровение всегда ново, всегда старо. Святой Иоанн, который завершает Евангелие, говорит, что Он дает «не новую заповедь», но «заповедь древнюю, которую вы имели от начала»³¹. А затем Он добавляет, «заповедь новую Я даю вам»³². Подобный критерий развития есть в Нагорной проповеди Христа, как уже было замечено. «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить»³³. Таким образом, с уважением к развитию евангельского взгляда на обряд жертвы, сначала этот обряд предписывает Моисей; затем Самуил говорит, что «послушание лучше жертвы и повиновение лучше тука овно»³⁴; затем Осия, «ибо Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений»³⁵; Исайя, что «курение [всесожжения] отвратительно для меня»³⁶; затем Малахия, описывая времена проповеди, упоминает о «чистом приношении» пшеницы; и Христос завершает развитие, когда Он говорит о поклонении «в духе и истине». И если здесь осталось что-либо для объяснения, это будет найдено и использовано христианской Церковью впоследствии в обычаях, которые показывают, что жертва не была удалена, но истина и дух были добавлены.

³¹ Ин.2:7.

³² Ин.13:34.

³³ Мф..5:17.

³⁴ 1Цар.15:22.

³⁵ Ос.6:6.

³⁶ Ис.1:13.

Даже *effata*³⁷ Христа и Его Апостолов является типичной формой, подобной вышеупомянутым пророческим указаниям и предсказаниям, а также предписаниям вероучения. Если, в таком случае, пророческие указания имели и имеют развитие, которое действительно происходило сначала через последующие откровения, а затем через произошедшее событие, то вероятно, что те догматические, политические, обрядовые, и этические указания, которые имеют ту же структуру, должны допустить такое же расширение. Таковы «сие есть Мое Тело»³⁸, или «ты – камень (Петр), и на сем камне Я создам Церковь Мою»³⁹, или «кроткие... наследуют землю»⁴⁰, или «пустите детей... приходить ко Мне»⁴¹, или «чистые сердцем... Бога узрят»⁴².

11.

В соответствии с такой характеристикой учения Христа, может быть приведена следующая цитата уже упомянутого автора: «Его задокументированные слова и дела, когда Он находился на земле ... являются для нас декларацией Законодателя». В Ветхом Завете Всемогущий Бог сначала продекларировал Десять Заповедей на горе Синай, а в дальнейшем они были записаны. Христос сначала проповедал Благоую Весть, одновременно дающую надежду и закон в Нагорной проповеди, а затем Его Евангелисты записали ее. В дальнейшем, когда Он проповедал Благоую Весть, Он проводил параллели к Десяти Заповедям. И Его стиль, кроме того, соответствует полномочиям, которые Он принял на себя. Этот стиль имеет показательные и строгие характеристики принадлежности Христу; Он говорил, как никакой другой человек не мог говорить. Заповеди Блаженства, с которых началась Его Проповедь, – образец того непередаваемого стиля, который соответствует, насколько человеческие слова могли соответствовать, Воплощенному Богу.

«Но не в этом особенность стиля Нагорной Проповеди. Все евангельское есть особенное, отличимое от любой другой части Священного Писания, показывающее себя в важных декларациях, канонах, сентенциях или изречениях, таких, какие выдвигают законодатели, а комментируют законники. Несомненно, все, что наш Спаситель сказал и сделал, характеризуется одновременно простотой и тайной. Его символические действия, Его чудеса, Его притчи, Его ответы, Его пророчества, – все это есть представления в зачатке законодательных актов, данных для развития впоследствии, это код божественной истины, которая должна была всегда быть перед человеческими глазами, чтобы стать темой исследования, интерпретации и руководством в дискуссии. «Истинно, истинно говорю вам», «но я говорю вам» – это признаки высшего Учителя и Пророка.

«И поэтому Отцы Церкви говорят о наличии Его учения. «Его изречения, – замечает Святой Иустин, – были кратки и сжаты, ибо Он не был ритором, но Его слово было облечено Божественным авторитетом». И Святой Василий также говорит подобным образом: «Каждое дело и каждое слово нашего Спасителя Иисуса Христа – канон благочестия и добродетели. Когда ты вслушиваешься в Его слово или вглядываешься в поступок Его, то не делаешь это, как будто между прочим или в простой и плотской манере, но вступаешь в глубину Его размышлений, становишься причастником истин, мистически являющихся тебе» [3].

12.

Более того, хотя известно, что развитие Откровения продолжалось на протяжении всего ветхого устройства вплоть до самого конца служения нашего Господа, с другой стороны, если мы обратим свое внимание на происхождение апостольского учения после Его Вознесения, мы

³⁷ От арамейского *herphatach*, «Откройте!», возглас Христа в Евангелии от Марка (7: 31-37).

³⁸ Мф. 26:26.

³⁹ Мф. 16:18.

⁴⁰ Мф. 5:5.

⁴¹ Мф. 19:14.

⁴² Мф. 5:8.

окажемся не в состоянии определить исторический момент, когда рост доктрины прекратился, а Правило Веры было раз и навсегда установлено. Это произошло не в день Пятидесятницы, ибо Святой Петр должен был еще узнать в Иоппии, что ему нужно крестить Корнилия; не в Иоппии и Кесарии, ибо Святой Павел позже должен был еще написать свои Послания, не по смерти последнего Апостола, ибо Святой Игнатий позже еще должен был основать учение о Епископстве; и, кроме того, ни тогда, ни в последующие столетия, ибо канон Нового Завета все еще не был определен. Это произошло не в Символе Веры, который является не собранием определений, но кратким изложением известных определений веры, неполным выводом, и, подобно молитве Христа («Отче наш») или Декалогу, простым примером божественной истины, очень близкой к изначальной. Невозможно назвать ни одной доктрины, которая бы обладала полнотой с самого начала, но не приобрела бы ничего впоследствии, благодаря исследованиям веры или из-за нападков ереси. Церковь уходила вперед от старого мира также поспешно, как иудеи из Египта, «и понес народ тесто свое прежде, нежели оно вскисло; квашни их, завязанные в одеждах их, были на плечах их»⁴³.

13.

Далее, политические события, о которых говорится в исторических описаниях Священного Писания, столь же поразительны, как пророческие и доктринальные. Может ли какая-либо история иметь более человеческое появление, чем возвышение и воспитание избранного народа, о котором я только что упоминал? То, что было определено в решениях Господа на небесах с самого начала, то, что было неизменно, то, что было сказано Моисею в Неопалимой Купине, впоследствии представляется как рост идеи в последовавших чрезвычайных обстоятельствах. Божественный Голос в Неопалимой Купине возвестил об Исходе детей Израиля из Египта и об их вступлении в Ханаан; и добавил, в знак достоверности Своей цели, «когда ты выведешь народ из Египта, вы совершите служение Богу на этой горе»⁴⁴. Теперь это жертвоприношение или празднество, которое кажется лишь несущественным и второстепенным в Великом освобождении, в то время было последним требованием, которое Моисей предъявил фараону, «и пойдешь ты и старейшины Израилевы к царю Египетскому, и скажете ему: Господь, Бог Евреев, призвал нас; итак отпусти нас в пустыню, на три дня пути, чтобы принести жертву Господу, Богу нашему»⁴⁵. Было добавлено, что фараон сначала отклонил первую их просьбу, но после чудес он позволил им уйти совсем, даже с драгоценными «вещами серебряными и вещами золотыми, и одеждами»⁴⁶.

Соответственно, первая просьба Моисея была: «...отпусти нас в пустыню, на три дня пути, чтобы принести жертву Господу, Богу нашему»⁴⁷. Перед нашествием жаб предупреждение повторное: «...отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне служение»⁴⁸; и после этого фараон сказал: «...я отпущу народ [Израильский] принести жертву Господу»⁴⁹. Это происходит снова перед нашествием песьих мух; и после него фараон предлагает иудеям жертвовать в Египте, от этого предложения Моисей отказывается, потому что «...отвратительно для Египтян жертвоприношение наше Господу, Богу нашему»⁵⁰. «Мы пойдем в пустыню, на три дня пути, – он продолжает, – и принесем жертву Господу, Богу нашему, как скажет нам»⁵¹, и фараон тогда уступает им и позволяет принести жертвы в пустыне, «...только, – он говорит, – не

⁴³ Исх.12:34.

⁴⁴ Исх.3:12.

⁴⁵ Исх.3:18.

⁴⁶ Исх. 3:22.

⁴⁷ Исх. 3:18.

⁴⁸ Исх. 8:1.

⁴⁹ Исх. 8:8.

⁵⁰ Исх. 8:26.

⁵¹ Исх. 8:27.

уходите далеко»⁵². Просьбы повторились отдельно перед язвами мора скота, града, и саранчи, нет упоминания еще чего-либо сделанного после служения или жертвоприношения в пустыне. В последней из этих бесед, фараон спрашивает объяснения, и Моисей увеличивает свои требования: «...пойдем с малолетними нашими и стариками нашими, с сыновьями нашими и дочерьми нашими, и с овцами нашими и с волами нашими пойдем, ибо у нас праздник Господу»⁵³. Что было дальше, кажется, ясно из ответа фараона: «...пойдите [одни] мужчины и совершите служение Господу, так как вы сего просили»⁵⁴. На язве тьмы фараон уступает увеличенным требованиям, за исключением того, чтобы они брали с собой стада; но Моисей напоминает, что эти требования были подразумеваемыми, хотя не выражены в первоначальной формулировке: «...пусть пойдут и стада наши с нами, не останется ни копыта; ибо из них мы возьмем на жертву Господу, Богу нашему; но доколе не придем туда, мы не знаем, что принести в жертву Господу»⁵⁵. Даже при последней встрече не было никакого указания на то, что они уходят из Египта навсегда; вопрос был оставлен, чтобы он решался египтянами. «И придут все рабы твои сии, – говорит Моисей, – ко мне и поклонятся мне, говоря: выйди ты и весь народ, которым ты предводительствуешь. После сего я и выйду»⁵⁶; и, соответственно, после язвы на первенцев, они были выгнаны в полночь, со своими стадами, своими квашнями и своим тестом, нагруженные добычей из Египта, поскольку впереди была predetermined очевидная комбинация обстоятельств или сложностей. Все же Моисей знал, что это их исход из Египта окончательный, ибо он взял кости Иосифа с собой; но решение фараона вскоре изменилось, когда его спросили прямо: «...зачем отпустили Израильтян, чтобы они не работали нам?»⁵⁷ Но этот ход событий, неопределенный и неясный, как это казалось, несмотря на чудеса, которые произошли, был направлен близко к Тому, Кто решает постепенно то, что Он определил абсолютно; и все закончилось разделением Красного Моря, и уничтожением войска фараона, преследующего их.

Вместе с тем, из того, что происходило в течение сорока лет впоследствии, когда они продвигались к обещанной земле, казалось, что подлинное предоставление территории не имело в виду страну к востоку от Иордана, принадлежащую впоследствии Рувиму, Гаду и половине племени Манассии; по крайней мере, они обязались сначала оставить Сион в покое, если правитель позволит им пройти через эту страну, и только после его отказа от такого разрешения, они вторглись и присвоили эту землю.

14.

6. Следует также отметить, что структура и стиль Священного Писания имеют особенности; структура его так бессистемна и различна, а стиль так метафоричен и уклончив, что никто не позволил бы себе с первого взгляда сказать, что есть в нем, а чего нет. Писание не может быть полностью понятым, и его содержание не может быть каталогизировано; но после всех наших стараний, до конца нашей жизни и до конца Церкви, оно останется неисследованной и неподчиненной землей, с холмами и долинами, лесами и потоками с правой и с левой стороны нашего пути и близко от нас, полной скрытых чудес и отборных сокровищ. Ни о какой доктрине, которая в действительности не противоречит тому, что было сказано, нельзя безапелляционно утверждать, что ее нет в Священном Писании; ни о каком читателе, который изучает его, нельзя сказать, что он овладел каждой доктриной, содержащейся в нем. Замечания Батлера по этому поводу были только что упомянуты. «Более четкое и специфическое знание, – он

⁵² Исх. 8:28.

⁵³ Исх. 10:9.

⁵⁴ Исх. 10:11.

⁵⁵ Исх. 10:26.

⁵⁶ Исх. 11:8.

⁵⁷ Исх. 14:5.

говорит, – тех вещей, изучение которых Апостол называет приближением к совершенству⁵⁸, то есть, наиболее неясных доктрин Евангелия, и пророческих частей Откровения, подобно многим разделам естественного и даже частного знания, возможно, требует очень точной мысли и осторожного рассмотрения. Препятствия для естественного и сверхъестественного восприятия и знания были того же рода. И как вся система Священного Писания еще не понята, так, если понимание когда-либо наступит раньше «восстановления всех вещей» и без сверхъестественного вмешательства, оно должно произойти таким же образом, как бывает получено естественное знание, путем прогресса познания и свободы, а также через отдельных лиц, внимательно следящих, сравнивающих и выполняющих указания, рассыпанные повсюду, которые недооцениваются и игнорируются миром. Ибо именно таким путем делаются все усовершенствования, когда вдумчивые люди следят за неясными намеками, как бы случайно брошенными нам природой или как бы случайно пришедшими нам в голову. И нет ничего удивительного в том, что книга, столь долго находившаяся в распоряжении человечества, содержит много еще не открытых истин. Ибо все те же явления и те же исследовательские способности, благодаря которым были сделаны такие великие открытия в естественном знании в нынешнем и прошлом веке, были в равной степени в распоряжении человечества и несколько тысяч лет назад. И можно предположить, что те события, которые происходят, должны открывать и разъяснять значение некоторых фрагментов из Священного Писания» [4]. Батлер, конечно, не рассматривал случай новых предметов веры или развития, обязательного для нашего восприятия, но он, несомненно, свидетельствует о вероятности развития, имеющего место в христианском вероучении, как таковом, что является вопросом, о котором и идет речь.

15.

Можно добавить, что все определения или суждения Ранней и Средневековой Церкви основываются на конкретных, хотя иногда и малопонятных, высказываниях из Священного Писания. Таким образом, Чистилище может найти обоснование в «спасении через огонь» и «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие»⁵⁹; Передача Достоинств Святым нам – в «получении награды пророка», ибо «принимает пророка, во имя пророка» и «награды праведника», ибо «принимает праведника, во имя праведника»⁶⁰; Реальное Присутствие имеет отношение к выражению «сие есть Тело Мое»⁶¹; отпущение грехов – к выражению «будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Духа Святаго, тому не будет прощения вовек»⁶²; Елеопомазание – к «помазав его елеем во имя Господне»⁶³, добровольная бедность – к «все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах»⁶⁴, повиновение – к «Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему»⁶⁵; почитание творений, одушевленных или неодушевленных, – к *Laudate Dominum in sanctis Ejus*⁶⁶, и *adorete scabellum pedum Ejus*⁶⁷; и подобным упованиям.

16.

7. Наконец, хотя Священное Писание нигде не признает себя боговдохновенным и не утверждает боговдохновенность тех цитат, которые наиболее важны, оно четко предвосхищает развитие Христианства, как его структуры, так и его вероучения. В одной из притч Христа

⁵⁸ См.: Евр. 7:19.

⁵⁹ Деян. 14:22.

⁶⁰ Мф. 10:41.

⁶¹ Мф. 26:26.

⁶² Мк. 3:28-29.

⁶³ Иак. 5:14.

⁶⁴ Мк. 10:21.

⁶⁵ Лк. 2:49.

⁶⁶ Лат., хвалите Господа во святине Его, псалом 150:1.

⁶⁷ Лат., поклоняйтесь подножию ног Его, псалом 98:5.

«Царство Небесное» даже определяется как «зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков»⁶⁸ и, как Святой Марк говорит, «пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные»⁶⁹. И далее, в той же главе Евангелия Святого Марка, «Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе»⁷⁰. Здесь говорится скорее о внутреннем элементе жизни, будь то принцип или доктрина, чем о каком-либо простом внешнем проявлении; и достойно внимания, что подразумевается самопроизвольный, также как и последовательный, характер роста. Это описание процесса соответствует тому, что было изложено выше относительно развития, а именно, что оно не есть результат пожелания и решения или принуждения, или какой-либо техники рассуждения, или какой-либо утонченности интеллекта, но развитие доктрины происходит из-за ее собственной врожденной способности к расширению в пределах ума с течением времени, хотя и с использованием рефлексии, доказательств и характерных мыслей, как это может случиться, зависящих от нравственного возрастания души при влиянии рефлексии. Кроме того, Притча о закваске описывает развитие доктрины с другой стороны, а именно, ее активную, всепоглощающую и всепроникающую энергию.

17.

Итак, по необходимости, на основании истории всех ответвлений и сторон религии и ввиду наличия аналогии и примеров в Священном Писании, мы можем справедливо сделать вывод, что христианское вероучение допускает официальное, законное, и истинное развитие, то есть, развитие, задуманное Божественным Автором.

Общее сходство мира материального и духовного подтверждает этот вывод, как нам напоминает об этом авторитетный автор, чьи цитаты уже были представлены в этой главе. «Весь естественный мир и управление им, – говорит Батлер, – является программой или системой, не фиксированной, а прогрессивной, в которой действие различных сил продолжается во времени до тех пор, пока не закончится то, к чему эти силы стремятся, и чего они смогут достигнуть. Смена сезонов, созревание плодов земли с предысторией цветения – образец этого, также как и человеческая жизнь. Как растительные тела, так и животные, несмотря на возможность сформироваться сразу, все же вырастают до зрелого состояния постепенно. И поэтому разумные агенты, которые одушевляют эти тела, естественно направлены на формирование для каждого тела его собственного образа действия и характера через поэтапное получение знаний и опыта. Наше существование не только последовательно, как это и должно быть неизбежно, но одно состояние нашей жизни и бытия назначено Богом быть подготовкой к другому; а другое состояние – чтобы быть средством достижения следующего: от младенчества к детству, от детства к юности, от юности к зрелости. Люди нетерпеливы и склонны торопить события; но Создатель Природы кажется неторопливым во всех своих действиях, достигая своих естественных целей медленными последовательными шагами. И у Него есть заранее составленный план действий, который требует различных способов и средств, а также длительного времени для прохождения нескольких стадий. Таким образом, в повседневном порядке естественного Провидения Бог действует точно так же, как и в устройении Христианства, делая одну вещь подчиненной другой, близкое – чему-то более отдаленному, и так далее, через прогрессивные стадии, которые простираются назад и вперед за пределами нашего видения. Согласно этому способу действия мы видим, что в природе можно найти много примеров развития, как и в любой части христианского устройства» [5].

⁶⁸ Мк. 4:31.

⁶⁹ Мк. 4:32.

⁷⁰ Мк. 4:26–28.

§ 2. Непогрешимое проявление авторитета, которое ожидается

Теперь стало очевидно, что изменение Христианства с течением времени было ожидаемым и естественным, и что такое естественное и истинное развитие, было, несомненно, задумано Творцом, Который, разрабатывая творение, предвидел его законные результаты. Как бы то ни было, это и можно назвать настоящим «развитием» Христианства. То, что, вне всякого разумного сомнения, развитие существует, несомненно, является большим шагом вперед в исследовании; это важный факт. Следующий вопрос: «Что есть развитие?» И для богослова, который имеет общие представления о богословии, а также обладает глубоким и тонким знанием истории, приращения, несомненно, были бы, в целом, легко отличимы по своим собственным характеристикам, и он не нуждался бы ни в посторонней помощи, чтобы заметить их, ни во внешнем авторитете, чтобы принять их. Но трудно сказать, кто из богословов имеет точно такую позицию. Принимая во внимание, что христиане по самой своей природе живут под влиянием доктрин, в самой гуще фактов, и находятся в процессе дискуссий, которые являются предметом для критики, и поскольку они также подвержены предубеждениям своего рождения, образования, места жительства, личной привязанности, обязательств и сообществ, едва ли можно настаивать, что явление истинного развития всегда несет с собой свою собственную определенность даже для ученых, или что история, прошлая или настоящая, защищена от возможности ее различных интерпретаций.

2.

Я уже говорил об этой проблеме и с совершенно иной точки зрения, чем та, которую я имею в настоящее время:

«Пророки или богословы – интерпретаторы Откровения; они раскрывают и формулируют его тайны, они разъясняют его свидетельства, они гармонизируют его содержание, они осуществляют его обетования. Их учение – обширная система, которая не может быть сформулирована в нескольких предложениях, не может быть воплощена в один принцип или трактат, но заключается в определенном объеме Истины, наполняющей Церковь, подобно атмосфере, неравномерной из-за ее истинной щедрости и богатства, время от времени отличающейся только мнением от Епископской Традиции, но иногда растворяющейся в легендах и мифах, частично записанной, частично неписаной, частично интерпретирующей, частично дополняющей Священное Писание, частично сохранившейся в интеллектуальных высказываниях, частично скрытой в духе и характере христиан; изливающейся во все стороны в литургиях, в полемических трудах, в малопонятных фрагментах, в проповедях, в популярных предрассудках, в местных обычаях. Это я называю пророческой традицией, существующей, прежде всего, в недрах самой Церкви и записанной в той мере, в какой Провидение определило это в творениях выдающихся людей. «Сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию»⁷¹, – предписал Святой Павел Тимофею, но, по причине своей необъятности и неопределенности, вероучение особенно подвержено искажениям, если Церковь не проявляет бдительности. Это та основа вероучения, которая предлагается всем христианам даже и в настоящее время, хотя в разнообразных формах и объемах истины для различных частей христианского мира, частично являясь комментарием, частично дополнением к статьям Символа Веры» [6].

Если это так, несомненно, необходимо какое-то правило для организации и подтверждения подлинности этих различных формулировок и результатов христианского вероучения. Никто не будет настаивать, что все предметы веры имеют равную значимость. «Есть то, что может быть названо второстепенными предметами, которые мы можем считать истинными, не

⁷¹ 1Тим. 5:21.

навязывая их как необходимые», «есть великие истины, есть малые истины, есть предметы, в которые необходимо верить, и предметы, которые являются благочестивыми для веры» [7]. Появляется простой вопрос, как же нам отличить великое от малого и истину от лжи.

3.

Возрастает потребность в авторитетной санкции, если после разъяснения Гизо принять во внимание, что Христианство, хотя и представленное в пророчестве как Царство, вступило в мир как идея, а не как институт, оно облекло себя в одежду и укрыло себя под броней собственного обеспечения, оно само сформировало средства и методы своего процветания и борьбы. Если развитие, которое было выше названо нравственным, в какой-либо значительной мере должно иметь место, и без него трудно понять, как Христианство вообще может существовать, если нужно установить отношение к мирской власти или определить характеристики вероисповедания, несомненно, необходим авторитет, чтобы сделать заключение о том, что является неопределенным, и установить достоверность того, что является данным в опыте, чтобы утвердить последовательные шаги столь сложных процессов и обеспечить обоснованность выводов, которые должны стать предпосылками для дальнейших исследований.

Конечно, можно установить критерии для выяснения правильности развития в целом, как я покажу это впоследствии, но и их может быть недостаточно для руководства индивидами при изучении такого большого и сложного вопроса, как Христианство, хотя они, возможно, помогут нашим исследованиям и поддержат наши выводы по отдельным пунктам. По причине своей научности и дискуссионности, критерии не имеют практического значения и являются скорее инструментами, чем основаниями для правильных выводов. Более того, критерии скорее необходимы как ответы на возражения против фактических авторитетных выводов, чем как доказательства корректности этих выводов. В то время как, с одной стороны, вероятно, будут предоставлены какие-либо средства для установления законности и истинности развития Откровения, с другой стороны, эти средства должны быть, по необходимости, чисто внешними для развития, как такового.

4.

В этом параграфе будут даны основания для вывода, что вероятности истинного развития доктрины и практики в Божественном Plane соответствует вероятность назначения в этом Plane внешнего авторитета, чтобы, исходя из этого авторитета, принимать решения, таким образом, отделяя его от множества чисто человеческих спекуляций, сумасбродств, искажений и ошибок, в которых и вне которых они возникают. Это доктрина о непогрешимости Церкви; ибо под непогрешимостью, я полагаю, подразумевается способность решать, истинно или нет одно, другое, третье и любое число теологических или этических утверждений.

5.

1. Давайте внимательно рассмотрим положение дела. Если христианская доктрина, в том виде, в каком она первоначально проповедовалась, допускает истинное и значительное развитие, как это было доказано в предыдущем параграфе, то это является сильным априорным аргументом в пользу наличия особого Божьего Промысла для гарантии авторитетности этого развития. Вероятность того, что изменения будут признаны истинными, зависит от вероятности их истинности. Я допускаю, что эти две идеи совершенно различны в отношении раскрытия и гарантирования истины, и они часто различны и в действительности. Существуют различные откровения по всей Земле, которые не имеют доказательств своей божественности. Таковы внутренние внушения и тайные озарения, дарованные очень многим людям; таковы традиционные доктрины язычников, «непонятная и несогласованная семья религиозных истин, первоначально от Бога, но блуждающая по миру, без санкции чуда или определенного дома, как пилигрим, отличаясь и отделяясь от испорченных легенд, с которыми она смешана, только духовным разумом» [8]. Нет ничего невероятного в понятии откровения, происходящего без подтверждений того, что это – откровение; точно так же, как человеческие науки являются

божественным даром, но достигаются нашими обычными силами и не претендуют на нашу веру. Но Христианство не имеет такой природы: это откровение, которое приходит к нам как откровение: целиком, объективно и с исповеданием своей непогрешимости; и единственный вопрос, который может быть поставлен, имеет отношение к теме откровения. Если же существуют некие великие истины, обязанности или обряды, естественно и законно вытекающие из первоначально исповедуемых доктрин, то вполне разумно включить эти истинные результаты в самую идею откровения, считать их ее частями и, если откровение не только истинно, но и гарантировано как истинное, ожидать, что они тоже будут подпадать под привилегию этой гарантии. Христианство, в отличие от других откровений воли Божией, кроме иудейского, так как оно является его продолжением, есть объективная религия или откровение с верительными грамотами; и естественно, я утверждаю, рассматривать его целиком, как таковое, а не частично *sui generis*⁷², подобно другим. Каким оно начиналось, таким пусть оно и продолжится; если определенное значительное развитие истинно, оно должно, несомненно, быть принято как истинное.

6.

2. Однако часто выдвигается возражение против доктрины непогрешимости в *limine*⁷³, которое слишком важно, чтобы не быть принятым во внимание. Мы настаиваем на том, что, поскольку все религиозное знание основывается на очевидности, а не на демонстрации, наша вера в непогрешимость Церкви должна быть именно такой; но что может быть абсурднее, чем вероятная непогрешимость или уверенность, основанная на сомнениях? Я верю, потому что я уверен; и я уверен, потому что я интуитивно догадываюсь. Итак, если допустить, что дар непогрешимости может быть применен, когда в него верят, чтобы объединить все интеллекты в одном общем исповедании, то факт, что он дан, труден как для доказательства, так и для развития, которое нужно доказать, и поэтому он бесполезен и, наконец, невероятен в Божественном Плана. Сторонники Рима, как уже было сказано, «настаивают на необходимости непогрешимого руководства в религиозных вопросах в качестве аргумента, что такое руководство действительно было предоставлено. Теперь необходимо выяснить, откуда они должны знать с уверенностью, что Римская Церковь непогрешима ... какое основание может продемонстрировать ее непогрешимость; какое мыслимое доказательство может быть больше, чем вероятность факта; и какая польза от непогрешимого проводника, если те, кого следует вести, имеют, в конце концов, не более чем мнение, как католики заявляют, что она непогрешима?» [9]

7.

Этот аргумент, за исключением тех случаев, когда он используется, как это предполагается в данном отрывке, против тех лиц, которые не хотят замечать несовершенств в доказательстве религии, безусловно, является ошибочным. Ибо поскольку, как все допускают, Апостолы были непогрешимы, этот довод говорит против их непогрешимости и против непогрешимости Священного Писания, воистину, как и против непогрешимости Церкви; ибо никто не скажет понапрасну, что Апостолы были непогрешимыми, хотя мы только духовно уверены, что они были непогрешимы. Далее, если мы имеем только вероятное основание для непогрешимости Церкви, то у нас есть только то же самое вероятное основание для невозможности одних вещей, необходимости других, истинности, верности третьих; и поэтому слова непогрешимость, необходимость, истина и уверенность должны быть изгнаны из языка. Но почему более непоследовательно говорить о неопределенной непогрешимости, чем о сомнительной истинности или случайной необходимости фразы, которые представляют идеи ясные и несомненные? По правде говоря, мы играем словами, когда используем доводы такого рода. Когда мы говорим, что человек непогрешим, мы имеем в виду не более, чем то, что он говорит, всегда

⁷² Лат., в своем роде.

⁷³ Лат., на пороге.

верно, всегда ему можно верить, он всегда делает, что говорит. Термин можно использовать в тех фразах, которые ему эквивалентны; иначе такие фразы недопустимы, или же идея непогрешимости должна быть допущена. Вероятная непогрешимость – вероятный дар не заблуждаться; восприятие учения о вероятной непогрешимости – это вера и послушание человеку, основанное на вероятности того, что он никогда не ошибется в своих заявлениях или распоряжениях. Что противоречиво в этой идее? Каким бы ни был тогда конкретный способ определения непогрешимости, абстрактное возражение может быть отброшено [10].

8.

3. Кроме того, иногда заявляют, что такое устройство уничтожило бы наше испытание, рассеивая сомнения, предотвращая упражнение веры и обязывая нас повиноваться, желаем мы того или нет; и также заявляют, что Божественный Голос говорил в первые века, а трудности и тьма – удел всех последующих веков; как если бы непогрешимость и личное суждение были несовместимы; но это запутывает проблему. Мы должны видеть разницу между откровением и его восприятием, а не между его более ранними и более поздними стадиями. Откровение, само по себе божественное и гарантированное, может от начала до конца быть принято, подвергнуто сомнению, оспорено, искажено, отвергнуто индивидуумами, в соответствии с состоянием ума каждого из них. Невежество, заблуждение, неверие и другие причины сразу не прекращают действовать, хотя откровение само по себе верно и неоспоримо доказано. Таким образом, мы не имеем никакого основания утверждать, что признанное откровение исключит существование сомнений и трудностей для тех, к кому оно обращено, или обойдется без их заботливого усердия, хотя оно может по своей собственной природе стремиться к этому. Непогрешимость не мешает моральному испытанию; эти два понятия абсолютно различные. Таким образом, нет возражения против идеи безоговорочного авторитета, как я предполагаю, что он якобы уменьшает задачу личного исследования, если только он не является возражением против авторитета Откровения в целом. Церковь или Собор, или Римский Папа, или согласие богословов, или согласие христианского мира, ограничивает запросы индивидуума не больше, чем Священное Писание ограничивает их; оно устанавливает ограничения, но, ограничивая их диапазон, оно сохраняет нетронутым их испытательный характер; мы подвергаемся испытанию реально, хотя не на столь обширном поприще. Предполагать, что доктрина неизменного авторитета в делах веры мешает нашей добровольности и ответственности, значит, в первую очередь, забывать, что в первые века были непогрешимые учителя, а еретики и раскольники – в последующие века. Возможно, существовали одновременно всесторонний высший авторитет, и всестороннее нравственное суждение. Более того, те, кто утверждает, что христианская истина должна быть приобретена исключительно личными усилиями, обязаны показать, что методы, этический и интеллектуальный, предоставленные индивидуумам, достаточны для обретения этой истины; иначе способ испытания, который они отстаивают, менее, а не более совершенен, чем тот, который исходит от внешнего авторитета. В целом, нет доводов против существования принципа объективности в развитии Откровения, вытекающих из условий нашей моральной ответственности.

9.

4. Возможно, мы будем настаивать на том, что Аналогия Природы противоречит нашему ожиданию продолжения существования некогда данного внешнего авторитета, поскольку, по словам уже цитировавшегося мыслителя, «Мы целиком несведущи, какая мера нового знания должна была бы быть ожидаема от Бога, если Он дал бы человечеству откровение; или насколько и каким способом Он чудесно должен был бы вмешаться, чтобы подготовить тех, кому Он должен первоначально дать откровение, для сообщения некоего знания и для защиты его в веке, в котором они должны жить, чтобы обеспечить его передачу последующим поколениям»; и потому «мы никоим образом не способны оценить, это ли откровение должно было ожидаться, и нужно ли его протоколировать или оставить передаваться так и поэтому испор-

тять его устной традицией, чем с течением времени исказить его» [11]. Но это рассуждение не применимо здесь, как уже было замечено; оно рассматривает только абстрактную гипотезу откровения, а не факт существования откровения особого рода, который, конечно, может различными путями модифицировать наше настоящее знание, урегулировав некоторые из тех самых моментов, для которых, перед тем, как оно было дано, мы не имели никаких решений. Нельзя также совершенно отрицать, что доказательство по аналогии с одной из точек зрения противоречит всякому предвосхищению откровения, ибо новшество в физическом порядке мира по самой силе своих утверждений несовместимо с обычными представлениями. Таким образом, мы не можем регулировать свой предшествующий будущему откровению взгляд на характер этого откровения с помощью критерия, который просто полностью опровергает само понятие откровения. Как бы то ни было, Аналогия Природы в некотором роде нарушается фактом откровения, и вопрос, стоящий перед нами, касается только степени этого нарушения.

10.

Я рискну выявить здесь различие между фактами откровения и его принципами; доказательство по Аналогии Природы более связано с принципами, чем с фактами. Богооткровенные факты являются особыми и исключительными, они не имеют аналогий по своей природе; но иначе обстоит дело с богооткровенными принципами: они являются общими для всех дел Божьих; и если Творец Природы есть Творец Благодати, можно ожидать, что, хотя две системы фактов отделены и независимы, принципы, показанные в них, будут одинаковыми и сформируют связь между ними. В этом принципиальном тождестве находятся Аналогия Природы и Богооткровенная Религия в батлеровском смысле слова. Доктрина Воплощения является фактом и не может быть подобна чему-то в природе; доктрина Посредничества является принципом, и она щедро иллюстрируется в своих положениях. Чудеса – это факты; божественное вдохновение – это факт; божественное учение от начала до конца является фактом; испытание с помощью интеллектуальных трудностей – принцип, как по природе, так и по благодати, и он может осуществляться в системе благодати либо постоянным таинством учения, либо одним определенным актом учения и то с аналогией к порядку природы, одинаково совершенной в обоих случаях; и мы не можем преуспеть в аргументации по аналогии к порядку природы против попечительства откровения, не аргументируя также против его первоначального дара. Предположим, порядок природы однажды расколот введен откровением, продолжение этого откровения есть лишь вопрос меры; и то обстоятельство, что работа началась, делает более вероятным и ее продолжение. У нас нет оснований полагать, что между нами и первым поколением христиан существует огромное различие, что первые христиане имели непогрешимое руководство жизнью, а мы не имеем.

Откровение ввело новый закон божественного управления сверх тех законов, которые появились в процессе естественного развития мира; и вследствие этого, мы можем приводить доводы в пользу существования постоянного авторитета в делах веры по аналогии с Природой и исходя из фактов Христианства. Сбережение – часть идеи творения. Создатель отдыхает на седьмой день от работы, которую Он сделал, но Он «доныне делает»⁷⁴; так Он дал Символ веры раз и навсегда в начале, благословил его рост и предусмотрел его развитие. Его слово «не возвращается... тщетным, но исполняет»⁷⁵ Его волю. Поскольку творение предполагает постоянное управление, поэтому Апостолы – предвестники Римских Пап.

11.

5. Кроме того, следует иметь в виду, что поскольку сущность всякой религии – авторитет и повиновение ему, то различие между естественной религией и богооткровенной заключается в том, что одна имеет субъективные авторитеты, а другая – объективные. Откровение заключа-

⁷⁴ Ин. 5:17.

⁷⁵ Ис. 55:11.

ется в проявлении Невидимой Божественной Силы или в замене голоса законодателя голосом совести. Верховенство совести – сущность естественной религии; верховенство Апостола или Римского Папы, или Церкви, или Епископа – сущность богооткровенной религии; и если такие внешние авторитеты отнять, рассудок снова отступит по необходимости к внутреннему руководству, которым он обладал перед тем, как Откровение было дано. Итак, чем является совесть в системе природы, тем же – голос Священного Писания или Церкви, или Папского Престола, как мы можем определить это, в системе Откровения. На деле можно возразить, что совесть не является непогрешимой; это правда, но все же, ей всегда следует повиноваться. И это как раз та прерогатива, которую полемисты приписывают Престолу Святого Петра; она не во всех случаях безошибочна, возможны ошибки вне ее специальной области, но она во всех случаях требует нашего послушания. «Все католики и еретики, – сообщает Беллармин, – имеют согласие в двух вещах: во-первых, что Римский Папа, даже как Папа с его собственным собранием советников или с Собором, может ошибиться в специфических дискуссиях об истине, что, главным образом, зависит от человеческой информированности и доказательств; во-вторых, что для Папы возможны ошибки и как для конкретного юриста, даже в универсальных вопросах права, веры или морали из-за незнания, как иногда случается с другими юристами. Далее, все католики согласны в двух других пунктах, но не с еретиками, а исключительно друг с другом: во-первых, что Римский Папа с Собором не может ошибиться в создании декретов веры или общих предписаний морали; во-вторых, что Римский Папа, определяя что-либо в сомнительном вопросе, сам или с его специальным Советом, может ошибиться или нет, но должен повиноваться всему верному» [12]. И как повиновение совести, даже, предположим, совести плохо информированной, заботится об усовершенствовании нашей моральной природы и, в конечном счете, нашего знания, так и повиновение духовному авторитету может содействовать нашему росту в освящении и святости, даже если он должен приказывать то, что чрезмерно или нецелесообразно, или учить тому, что является внешним для его легитимной области.

12.

6. Здравый смысл человечества лишь поддерживает эти умозаключения и, таким образом, понуждает нас к рассмотрению по аналогии. Он чувствует, что сама идея откровения подразумевает настоящего информатора и проводника, причем непогрешимого, не просто абстрактное провозглашение истин, неизвестных, прежде человеку, или летопись истории, или результат древнего исследования, но проповедь и наставление, обращающееся к тому или иному человеку. Об этом свидетельствует популярное представление, которое получило развитие среди нас со времен Реформации, что Библия сама по себе является таким руководством, и это представление преуспело в свержении господства Церкви и Папы по той самой причине, что Библия явилась конкурирующим авторитетом, вытесняющим их без сопротивления. И поскольку мы обнаруживаем факты, что боговдохновенная книга не приспособлена или не предназначена для того, чтобы содействовать этой цели, мы вынуждены вернуться к настоящему Руководителю – Церкви, которая в эпоху нашего отвержения ее была признана как толкователь Священного Писания, согласно времени и обстоятельствам, и как арбитр всей истинной доктрины и священной практики для ее детей. Мы чувствуем потребность, и Церковь только одна из всех вещей под Небесами обеспечивает ее. Нам говорят, что Бог сказал. Где? В книге? Мы проверили это и разочаровались; нас разочаровывал святейший и благословенный дар не из-за собственного дефекта, но из-за того, что он использовался для цели, для которой он не был предназначен. Ответ эфиопа, когда Святой Филипп, спросил его, понимает ли он то, что читает, – это голос природы: «Как могу разуместь, если кто не наставит меня?»⁷⁶ Церковь берет на себя эту обязанность наставления; она делает то, что никто и ничто, кроме нее, не может сделать, и в этом тайна ее могущества. «Человеческий ум, – было сказано, – желает осво-

⁷⁶ Деян.8:31.

бодиться от сомнений в религии; и учителю, который претендует на непогрешимость, легко верить по его простому слову. Мы видим постоянно претендентов на непогрешимость среди нас. В Католицизме Церковь претендует на это; она избавляет себя от конкурентов, опережая их. И вероятно в глазах ее детей самым убедительным аргументом в пользу ее непогрешимости является тот, что она единственная из всех Церквей осмеливается претендовать на непогрешимость, как будто тайный инстинкт и непроизвольные опасения сдерживают те соперничающие общины, которые так далеко заходят в своем влиянии на нее» [13]. Эти цитаты, какими бы ни были неправильными их формулировки, несомненно, выражают великую истину. Самый очевидный ответ на вопрос, почему мы уступаем авторитету Церкви в вопросах и делах веры, есть тот, что какой-то авторитет должен существовать, если дано откровение, а других авторитетов нет, только Церковь. Откровение не получено, если не было никакими авторитетами решено, что оно получено. По словам Святого Петра к ее божественному Творцу и Повелителю: «К кому нам идти?»⁷⁷ И не следует также забывать, что Священное Писание четко называет Церковь «столп и утверждение истины», и дает ей завет, что «Дух Мой, который в Тебе, и слова Мои, которые Я вложил в уста твои, не отступят от уст твоих и от уст семени твоего, говорит Господь, отныне и до века»⁷⁸ [14].

13.

7. И если само требование непогрешимого суда в религиозных спорах имеет такое большое значение и вызывает такой интерес во все века, то тем более оно приветствуется во времена нынешние, когда человеческий интеллект такой деятельный, мышление такое плодотворное, а мнения такие разнообразные. Абсолютная потребность в духовном верховенстве есть в настоящее время самое сильное из доказательств в пользу факта его существования. Конечно, либо объективное откровение вообще не было бы дано, либо оно должно было быть обеспечено средствами для того, чтобы внушить миру свою объективность. Если Христианство есть социальная религия, каково оно, конечно, и есть, и если оно основано на определенных идеях, признанных божественными или вероучительными (что здесь и предполагается), и если эти идеи имеют различные аспекты и производят различное впечатление на различные умы, а, следовательно, проявляются в сложном развитии истины или лжи, или их смешения, как мы видим, какая власть будет законной в этих противоречивых обстоятельствах, кроме верховного авторитета, управляющего и примиряющего индивидуальные суждения с божественной истиной и признанной мудростью? В варварские времена намерение достигалось через чувства; но в эпоху, когда разум, как его называют, является мерилем истины и права, всякому, кто хоть немного связан с миром, совершенно очевидно, что, если вещи предоставлены самим себе, каждый индивид будет иметь свой собственный взгляд на них и идти своим путем, и даже если двое или трое будут в согласии сегодня, они утратят согласие завтра; что Священное Писание все время будет прочитываться в противоположных смыслах, и история, согласно поучительной басне, будет иметь для различных пришельцев серебряный щит или золотой; что мировоззрение, вкус, предубеждение, страсть, партия или каприз не найдут никакой общей системы измерений, если нет какой-то верховной власти, чтобы управлять мнениями и принуждать к соглашению.

Не может быть никакой комбинации на основе истины без голоса истины. Как культивирование раскрывает новую окраску цветков, а приручение изменяет характер животных, так и образование создает потребность в развитии различных мнений; и хотя пока невозможно обособить первые принципы, на которых все остальные объединятся, крайне неразумно ожидать, что один человек уступит другому, или что все уступят одному. Я не утверждаю, что нет вечных истин, как например, провозглашает поэт [15], которые все признают в частном порядке, но

⁷⁷ Ин.6:68.

⁷⁸ Ис. 59:19.

утверждаю, что этого недостаточно для доминирования, чтобы появилась основа общественного объединения и действия. Единственное общее убеждение в вопросах поведения – это авторитет, то есть (когда речь идет об истине) суждение, которое мы считаем выше нашего собственного. Если Христианство как социально, так и догматически предназначено для всех времен, то оно должно иметь, говоря человеческим языком, надежного толкователя. Иначе вы добьетесь единства формы при утрате единства учения или добьетесь единства учения при утрате единства формы; вам придется выбирать между пониманием мнений и разделением на партии, между свободомыслием и сектантским заблуждением. Вы можете быть терпимы или нетерпимы к противоречиям мышления, но противоречия вы будете иметь. Англиканская Церковь предпочитает пустое единообразие непогрешимому престолу, а секты Англии бесконечно разделены. Германия и Женева начали с гонений, а закончили скептицизмом. Доктрина непогрешимости – менее жестокая гипотеза, чем такая жертва верой или милосердием. Непогрешимость защищает объект, одновременно придавая ему определенность и силу в вопросах Откровения.

14.

8. Я назвал доктрину непогрешимости гипотезой: пусть она рассматривается так ради доказательства, то есть, пусть она будет считаться просто позицией, не поддерживаемой никакими прямыми свидетельствами, но имеющей необходимость в фактах и возможностях, и примиряющей их друг с другом. Эта гипотеза, на самом деле, поддерживается и действует в большей части христианского мира и с незапамятных времен; но пусть это совпадение объясняется необходимостью. Более того, она – не голый или изолированный факт, но одушевляющий принцип большой системы вероучения, который необходим, и который сам по себе не мог появиться; но опять же, пусть эта система будет просто названа ее развитием. Но даже как гипотеза, которая была выдвинута одним из различных вероисповеданий, она не может быть легко отброшена в сторону. Какую-то гипотезу, ту или иную, все стороны, все полемисты, все историки должны принять, если они вообще хотят говорить о Христианстве. «Текстовая Книга» Гиселера специализирована на сухом анализе христианской истории; и все же, при подробном рассмотрении ее можно найти, что она основана на положительной и определенной теории, и что факты склоняются в ее пользу. Такой скептик, как Гиббон, принимает одну гипотезу, а такой ультра-возвышенный человек, как Барони, принимает другую. Школа Херда и Ньютона считает единственно верным взглядом на историю, что христиане спали веками, кроме тех, кого историки называют еретиками. Другие говорят, как будто бы присяга верховенству или *congé d'élire*⁷⁹ могла бы быть сделана границами учения Святого Амвросия, и они подгоняют Тридцать Девять Статей под пылкого Тертуллиана. Вопрос заключается в том, какая из всех этих теорий самая простая, самая естественная, самая убедительная. Конечно, понятие развития под непогрешимым авторитетом не является менее серьезной, менее выигрышной гипотезой, чем гипотезы случайности и совпадения событий или влияния восточной философии, или деятельности Антихриста, объясняющей возникновение Христианства и формирование его теологии.

§ 3. Существующие проявления вероучения как вероятное выполнение ожиданий

В отношении богооткровенной доктрины, данной нам свыше в Христианстве, я утверждаю, во-первых, что, вследствие своего интеллектуального характера, она прошла через умы многих поколений людей и была применена ко многим целям, а также исследовались

⁷⁹ Англ., разрешение избрать, формальное сообщение о передаче разрешения от короля в Англии для настоятеля кафедрального собора, дающее право избрать епископа, уже назначенного кандидатом в епископы.

ее необычные возможности, значения и отношения, поэтому она не могла не вырасти и не развиться с течением времени в большую теологическую систему; во-вторых, если развитие должно быть, а Откровение – небесный дар, то Тот, Кто его дал, не дал бы его, если бы не мог обезопасить этот дар от извращения и порчи, поэтому всякое развитие доктрины, которое происходит с ней вследствие необходимости ее природы, или, другими словами, то самое интеллектуальное действие, которое является органом развития доктрины через последовательные поколения, должно было, насколько оно может претендовать на то, чтобы быть поставленным во главе Откровения, быть в своих определениях непогрешимым.

Отталкиваясь от этих двух пунктов, я перехожу к вопросу о том, есть ли в истории Христианства исполнение того предвосхищения, на котором я настаивал, выросли ли в действительности учения, обряды и обычаи вокруг Апостольского Символа веры и проникли ли они в его догматы, потребовав стать частью Христианства и напомнив те дополнения, в поисках которых мы находимся. Ответ заключается в том, что такие дополнения существуют, и что они находятся именно там, где их можно было бы ожидать, в надежных местах и обителях старой традиции, в Латинской и Греческой Церквях. Позвольте мне подробнее остановиться на этом моменте.

2.

Итак, если идея Христианства, изначально дана нам с небес, она не может не содержать в себе многого, что мы лишь частично сознательно признаем как составляющие этой идеи, а остальное – только бессознательно; и если Христианство с небес, то все, что обязательно включено в него и развивается – от Бога, и если, с другой стороны, действительно есть большие прибавления, претендующие на то, чтобы быть его истинными и законными результатами, то наше первое впечатление, естественно, состоит в том, что эти прибавления и должны быть именно тем развитием, которое они провозглашают. Более того, сама система, в которой доктрины были созданы, их возвышенная древность (*high antiquity*), но все же, существующая перспектива, их постепенное формирование, но все же, точность, их гармоничный порядок, – все это самым решительным образом направляет наши представления к вере в то, что учение, столь согласованное с самим собой, столь хорошо сбалансированное, столь молодое и столь старое, не устаревшее после стольких веков, но до сих пор еще энергичное и прогрессивное, имеет то самое развитие, задуманное в Божественном Плана. Эти доктрины принадлежат к одной семье, и они напоминают, коррелируют, подтверждают или иллюстрируют одна другую. Одна предоставляет собой доказательство другой, а все – каждой из них; если одна доказана, другая становится вероятной; если одна или другая вероятны, то по разным причинам, каждая добавляет другой вероятности. Доктрина о Воплощении предшествует доктрине Посредничества и является архетипом для Священного принципа и заслуг Святых. Из доктрины Посредничества следуют доктрины Искупления, Евхаристии, достоинства Мучеников и Святых, молитвы им и их культ. Священный принцип имеет своей основой так называемые Таинства, единство Церкви и Святого Престола, как типа и Центра, авторитет Соборов, святость обрядов, почитание священных мест, святынь, икон, сосудов, мебели и облачений. Из Таинства Крещения развиваются доктрины Конфирмации, Епитимьи, Чистилища и Отпущения грехов, Евхаристия развивается в Реальном Присутствии, поклонении Телу Христа, Воскресении тела и почитании мощей Святых. Кроме того, доктрина Таинств ведет к доктрине Оправдания, доктрина Оправдания – к доктрине Первородного Греха; доктрина Первородного Греха – к доктрине достоинства Целибата. Каждое отдельное развитие независимо от другого, но они соединены перекрестными отношениями и срастаются, растут вместе от одного корня. Евхаристия и Реальное Присутствие – части единого, почитание Святых и их мощей – части единого, также ходатайство Святых и Искупительное Состояние, и опять же соотносятся Евхаристия и Искупительное Состояние, а Целибат – характерная черта Монашества и Духовенства. Должно принять целое или отвергнуть целое; раздробление ослабляет, а удаление калечит. Недостаточно принять все,

кроме чего-либо столь же принадлежащего целому, как любая другая часть; а с другой стороны, важно принять любую часть, и перед тем, как вы будете знать, что вы хотите принять, вы можете прийти к строгой логической потребности принять целое.

3.

Далее, мы должны принять во внимание, что от начала и до конца нет другого развития, кроме того, которое имеет ныне христианский мир; никакого другого развития из всего, что есть известного, постоянного, достаточного, чтобы заслужить это название. В первые века еретические доктрины были, по общему признанию, бесплодны и недолговечны и не могли устоять против Католицизма. Что касается Средних веков, то мне неизвестно, чтобы какая-то Церковь, кроме Греческой, представляла более чем отрицательную оппозицию к Латинской. И сейчас, подобным образом, Тридентский Символ веры не встречает никакого конкурирующего развития; нет никакой системы-антагониста. Критики, возражений, протестов достаточно, но не хватает положительного учения; редки попытки какой-либо оппозирующей школы выдвинуть собственные доктрины, чтобы затем исследовать их смысл и содержание, определить их отношение к декретам Трента и дистанцироваться от них. И если в какое-либо время такая попытка случайно предпринималась, тогда возникало непреодолимое противоречие между частями разработанной так теологии, начиналась война принципов; кроме того, становилось невозможным согласовать эту теологию с общим направлением определений, в которых встречались ее элементы, и далее появлялись неточности и софистика у авантюристов, которые стремились привести их в последовательность [16]; также наблюдалось преобладающее мнение об истинности таких представлений, молчание авторитетов, избегание ими безнадежного предприятия и препятствования спору других, и откровенные намеки людей, что они считают, что и учение, и обычай, древность и развитие имеют очень мало значения; и наконец, появлялось очевидное отчаяние даже у лучших людей, которые впоследствии, когда они вынашивали большие планы относительно изменения языческого мира, боялись обращаться к вопросам вероучения, которые были изменены, чтобы через открытую дверь не потерять то, что они имеют, вместо получения того, чего они не имеют. К весомости рекомендации, которую этот контраст придает развитию, обычно называемому католическим, должен быть добавлен аргумент, который является результатом совпадения последовательности и постоянства этого развития с его притязанием на непогрешимую санкцию, – притязанием, существование которого в том или ином месте Божественного Предопределения, как мы уже рассмотрели ранее, имеет априорную вероятность. Учитывая все эти обстоятельства, я думаю, что мало кто станет отрицать очень сильную презумпцию того, что если в Христианстве должно быть и есть на самом деле развитие, то доктрины, выдвигаемые последовательно сменяющимися Римскими Папами и Соборами в течение многих веков этим развитием и являются.

4.

Еще одна презумпция в пользу этих доктрин вытекает из общего мнения мира о них. Поскольку Христианство едино, то все его доктрины – обязательное развитие из единого, и если это так, то они имеют необходимость согласования друг с другом и формируют единое целое. Сейчас мир полностью определяется таким взглядом на развитие, который претендует на название Вселенского. Это название предполагает, что доктрины принадлежат к одной семье и находятся в одной богословской системе. Едва ли необходимо заниматься доказательством этого, как убеждают нас их противники даже более энергично, чем их поборники. Их противники заявляют, что выступают не против одной или другой доктрины, но против всех сразу; и они, кажется, протестуют с удивлением и недоумением, если не сказать, с благоговением, перед последовательностью, которую они считают сверхчеловеческой, хотя и не допускают, чтобы она была божественной. Система признается всеми сторонами имеющей характер целостной и неделимой, как вначале, так всегда. Отсюда такие изречения как «Tota jacet

Babylon»⁸⁰ в двустийшии. Лютер сделал лишь часть работы, Кальвин – другую часть, Социни закончил работу. Согласиться с Лютером и отвергнуть Кальвина и Социни было бы, согласно этому изречению, все равно, что жить в доме без крыши над головой. Это, я утверждаю, не частное суждение того или иного человека, а общее мнение и опыт всех стран. Это чувствуют два великих разделения религии: Римско-Католическое и Протестантское, между которыми идет спор; это чувствуют скептики и либералы, которые являются наблюдателями конфликта; это чувствуют философы. Есть школа богословов, признаю, дорогая для моей памяти, которая не чувствует это; и ее возражения будут иметь свой вес до тех пор, пока мы понимаем, что частная теология, которую она отстаивает, не имеет предписания успеха, никогда не реализовывалась в действительности, а если была реализована на некоторое время, то это не имело никакого продолжения; более того, когда она была введена в действие человеческим авторитетом, она едва ли вышла за пределы бумаги или организационно-правовых форм, в которых она была воплощена. Но, даже учитывая значение этих уважаемых имен, нужно сказать, что они не являются более чем исключением в общем правиле, таким, которое бывает в каждой теме, которая берется для обсуждения.

5.

И это общее свидетельство единства Католицизма простирается к его прошлому учению относительно настоящего, также как и к частям его настоящего учения, связанным друг с другом. Никто не сомневается, за тем исключением, которое только что было допущено, что по вероисповеданию римо-католики – наследники и представители Средневековой Церкви, а также, что Средневековая Церковь – законный наследник Никеи; даже допуская, что речь идет о том, нельзя ли провести черту между Церковью периода Никеи и Церковью, которая предшествовала ей. В целом, все стороны сходятся во взглядах, что из всех существующих систем нынешнее вероисповедание Рима – фактически самая близкая аппроксимация к Церкви Отцов, хотя некоторые, возможно, думают, что они еще ближе к Церкви Отцов на бумаге. Если бы Святой Афанасий или Святой Амвросий внезапно вернулись к жизни, нет сомнений, какое вероисповедание они бы выбрали, чтобы оно было их собственным. Все, несомненно, согласятся, что эти Отцы, независимо от того, какими бы ни были их собственные мнения, какие бы протесты они ни выражали, нашли бы себя в одной вере вместе с такими людьми как Святой Бернад или Святой Игнатий Лойола, или с одиноким священником в его жилище, или в священной общине сестер милосердия, или в необразованной толпе перед алтарем, чем с Учителями или последователями любого другого вероучения. И разве мы не можем добавить, что те же самые Святые, которые когда-то жили один в изгнании, другой в посольстве в Трире, если пошли бы дальше на север и странствовали бы, пока не достигли бы другого прекрасного города, расположившегося среди рощ, зеленых лугов и спокойных потоков, то святые братья отвернулись бы от многих высоких приделов и торжественных монастырей, которые они бы нашли, и спросили бы путь к какой-нибудь маленькой церкви, где бы Месса была отслужена в многолюдном переулке или одиноком пригороде? А с другой стороны, может ли кто-либо, лишь услышав имя и поверхностно прочитав историю, сомневаться хотя бы в течение одного мгновения, как народ Англии, в свою очередь, «мы, наши принцы, наши священники, и наши пророки», Палаты Лордов и Общин, Университеты, Церковные Суды, торговые центры, большие города, церковные приходы, поступили бы с Афанасием – тем Афанасием, который тратил долгие годы в борьбе против суверенов за богословский термин?

Примечания

1. Doctrine of Justification, Lect. xiii.

⁸⁰ Лат., все ложь Вавилона.

2. Butler's Anal. ii. 3.
3. Proph. Office, Lect. xii. [Via Med. vol. i. pp. 292-3].
4. ii. 3; vide also ii. 4, fin.
5. Analogy, ii. 4, ad fin.
6. Proph. Office, x. [Via Med. p. 250].
7. [Там же. pp. 247, 254.]
8. Arians, ch. i. sect. 3 [p. 82, ed. 3].
9. Proph. Office [Via Med. vol. i. p. 122].

10. .[«Весьма обычно смешивать непогрешимость с несомненностью, но эти два слова обозначают вещи, абсолютно отличные друг от друга. Я помню определенно то, что я сделал вчера, но все же моя память ненадежна. Я абсолютно уверен, что два плюс два составляют четыре, но я часто делаю ошибки при долгом прибавлении сумм. Я не имею никакого сомнения, что Джон или Ричард – мой верный друг; но я раньше доверял тем, кто обманул меня, и я, возможно, сделаю так снова перед тем, как умру. Я абсолютно уверен, что Виктория – наш монарх, а не ее отец, Герцог Кентский, без каких-либо претензий для себя на дар непогрешимости, так как я могу совершить добродетельный поступок, не будучи непогрешимым. Я могу быть уверен, что Церковь непогрешима, пока я сам чрезвычайно подвержен ошибкам; иначе я не могу быть уверен, что Высшее Бытие непогрешимо, пока я не непогрешим сам. Уверенность направлена к одному или другому конкретному утверждению. Я уверен в утверждениях номер один, два, три, четыре или пять, по одному, в каждом самом по себе. Я могу быть уверен в одном из них, но не уверен в остальных: то, что я уверен в первом не делает вероятным, что я уверен во втором: но если бы я был непогрешим, тогда я должен был бы быть уверен не только в одном из них, но и во всех». – Essay on Assent, ch. vii. sect. 2.]

11. Anal. ii. 3.

12. De Rom. Pont. iv. 2. [Семь лет тому назад, это едва ли необходимо говорить, Ватиканский Собор определил, что Римский Папа, ex cathedrâ⁸¹ имеет ту же непогрешимость, что и Церковь. Это не влияет на доказательство по тексту.]

13. Proph. Office [Via Med. vol. i. p. 117.].
14. 1 Tim. iii. 16; Isa. lix. 21.
15. [Ou gar ti nun ge kachthes, k.t.l.]
16. [Vid. Via Media, vol. ii. pp. 251-341.]

⁸¹ Лат., с кафедры.

Глава 3. Об историческом аргументе в пользу существования развития

§ 1. Метод доказательства.

§ 2. Состояние доказательства.

Примечания.

§ 1. Метод доказательства

Нам представляется, что мы имеем дело со следующим случаем: определенные доктрины пришли к нам, признаваясь апостольскими, из такой далекой древности, что, хотя мы можем указать дату их официального установления в четвертом, пятом, восьмом или тринадцатом столетии, как это может случиться, однако же, их сущность может быть современной Апостолам, и она может быть отражена или подразумеваться в текстах Священного Писания. Далее, эти существующие доктрины повсеместно считаются, без какого-либо сомнения, в каждом столетии эхом доктрин, предшествующих им, и таким образом, их происхождение относят к бесконечно ранней дате, даже если их настоящее соединение с апостольским вероучением было вне поля зрения и неустановимо. Кроме того, доктрины признаются сформировавшимися в один корпус таким образом, что отвергнуть одну, значит, отнестись с пренебрежением ко всем остальным; и корпус доктрин включает и те первоначальные предметы веры, как Воплощение, которые многие противники упомянутой доктринальной системы, как системы, утверждают, что тоже принимают, но которые невозможно, с точки зрения их внешней или внутренней характеристики, разумно отделить от других, которые противники отрицают. Кроме того, эти доктрины занимают всю область теологии и не оставляют ничего, кроме своего подробного разъяснения, какой-либо другой системе; тогда как в действительности никакая конкурирующая система и не предвидится; так что нам приходится выбирать между этой теологией и вообще никакой. Более того, только эта теология обеспечивает то руководство мнением и поведением, которое внешне кажется особой целью Откровения и выполняет обетования Священного Писания, приспособляясь к различным проблемам мышления и практики, которые встречаются нам в жизни. И, кроме того, это самое непосредственное приближение, мягко говоря, к религиозному чувству, и к тому, что называется характером ранней Церкви, даже к Апостолам и Пророкам; ибо все согласятся с тем, что Илия, Иеремия, Иоанн Креститель и Святой Павел по своему житию и образу жизни (я не упоминаю о степенях благодати, нет, но о доктрине и поведении, ибо это – пункты в споре), во внешнем и видимом (и это не малое сходство, когда вещи рассматриваются в целом и на расстоянии), – это святые и героические люди, я утверждаю это, более подобные доминиканскому проповеднику или иезуитскому миссионеру, или кармелитскому Монаху, более подобные Святому Торибио или Святому Винсенту Ферреру, или Святому Франциску Ксаверию, или Святому Альфонсо Лигуори, чем любым индивидуумам или любым типам людей, которые могут быть найдены в других вероисповеданиях. И тогда есть высокая априорная вероятность того, что Провидение будет следить за своей собственной работой, будет охранять, направлять и утверждать те изменения доктрины, которые были неизбежны.

2.

Если это, в целом, и есть истинный взгляд на общую форму, в которой существующее содержание доктрин, обычно называемых католическими, предстает перед нами, предшествуя нашему рассмотрению частных доказательств, на которых они основаны, то я думаю, что мы без труда определим, что и логическая истина, и долг предписывают нам относительно нашего восприятия их. Очень мало сказать, что мы должны относиться к доктринам так, как мы

приучены относиться к другим предполагаемым фактам, истинам и свидетельствам для них, например, к тем, которые приходят к нам со справедливым предположением в свою пользу. Такого рода случаи встречаются каждый день; и как мы к ним относимся? Мы встречаем их не с подозрением и критикой, но с искренним доверием. В первую очередь, мы руководствуемся не полученными мнениями, а своей верой. Мы начинаем не с сомнения; мы верим, но подвергаем их серьезному испытанию, и не с каким-то намерением, но спонтанно. Мы доказываем их, используя их, прилагая их к предмету или свидетельству, или совокупности обстоятельств, к которым они принадлежат, как если бы они давали им свое толкование или свою окраску, как нечто само собой разумеющееся; и только когда они терпят неудачу, в конечном счете, в иллюстрировании явлений или гармонизации фактов, мы обнаруживаем, что должны отвергнуть доктрины или утверждения, которые мы сначала считали само собой разумеющимися. Кроме того, мы берем доказательства для них, какими бы они ни были, как для целого, формируя комбинированное доказательство; и мы интерпретируем их, если они малопонятны в отдельных частях, такими частями, которые ясны. Более того, мы относимся к ним соразмерно силе априорной вероятности в их пользу, мы терпеливо выносим трудности их применения, очевидные возражения против них, вызванные другими фактами и обстоятельствами, недостаток их полноты или недостаток аккуратности в их применении, при условии, что их притязания на наше внимание значительны.

3.

Таким образом, большинство людей принимают закон тяготения Ньютона, поскольку он общепринят, и используют его каждый сам для себя сначала без серьезной проверки (а он может быть проверен); и если мы обнаруживаем явления, которые закону не соответствуют, это не беспокоит нас, ибо должен существовать способ их объяснения, согласующийся с законом, хотя это и не приходит в голову. Кроме того, если бы мы нашли краткий или неясный отрывок в одном из писем Цицерона к Аттику, мы не постеснялись бы признать истинным объяснением его более ясное высказывание о нем древнего знатока. Эсхила иллюстрирует Софокл с точки зрения языка, а Фукидида – Аристофан с точки зрения истории. Горация, Персия, Светония, Тацита и Ювенала можно заставить пролить свет друг на друга. Даже Платон, возможно, приобретает комментатора в Плотине, а Святой Ансельм интерпретируется Святым Фомой. Два автора, действительно, могут быть уже известны, чтобы различаться, и тогда мы уже не соединим их вместе, как свидетелей общих истин; Лютер взял на себя обязательство интерпретировать Святого Августина, а Вольтер – Паскаля, не убедив мир, что они имеют на это право; но, ни в коем случае, мы не начинаем с вопроса, не противоречит ли их комментарий тексту, когда *primâ facie*⁸² существует соответствие между ними. Мы разъясняем текст через комментарий, несмотря на то, или, скорее, потому, что комментарий полнее и более ясен, чем текст.

4.

Таким же образом мы имеем дело со Священным Писанием, когда нам приходится интерпретировать пророческий текст и символы Ветхого Завета. Произошедшее событие, которое является развитием пророчества, также является его интерпретацией; оно обеспечивает его исполнение определением его смысла. И мы принимаем определенные события как исполнение определенного пророчества в общем соответствии одного с другим, несмотря на многие несущественные трудности. Например, трудность объяснить факт рассеяния евреев, последовавшего за соблюдением ими Закона, а не за отступлением их от него, не препятствует нам настаивать на их настоящем статусе в качестве аргумента против малoverного. С другой стороны, мы с готовностью подчиняем наши мнения авторитету и принимаем определенные события как исполнение пророчеств, хотя они кажутся очень удаленными из них; как в цитате «... из

⁸² Лат., на первый взгляд.

Египта воззвал Я Сына Моего»⁸³. Мы не находим трудностей, когда читаем обращения Святого Павла к тексту Ветхого Завета, который переведен иначе в наших копиях еврейского текста, как в цитате «жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне»⁸⁴. Мы принимаем такие трудности на веру и оставляем им самим заботу о себе. Гораздо меньше мы рассматриваем простую полноту толкования или его определенность, или странность, как достаточную причину для лишения текста или действия, к которому оно применяется, преимущества такого толкования. Мы не возражаем против того, что сами слова не соответствуют тому, что они выражают, или, что святой автор не обдумал текст, или, что предыдущее толкование достаточно полно. Читатель, пришедший к боговдохновенному тексту сам, вне влияния традиционного понимания, которое радостно охватывает его, был бы удивлен, если бы ему сказали, что слова Пророка «Дева во чреве примет и родит Сына»⁸⁵, или «поклонятся Ему все Ангелы Божии»⁸⁶ относятся к нашему Господу; но принимая во внимание сокровенное родство между Иудаизмом и Христианством, мы вдохновляемся Новым Заветом и, не сомневаясь, верим в это. Мы справедливо не чувствуем предубеждения, что пророчество Валаама в его христианском значении адекватно исполняется в Давиде; что история Ионы поэтична по характеру и имеет мораль сама по себе, и подобна поучительной басне; или что встреча Авраама и Мелхиседека очень краткая и обычная, но подразумевает такое большое значение, какое Святой Павел придает ей.

5.

Батлер подтверждает эти замечания, говоря о специфичности свидетельств для Христианства. «Непонятность или неразборчивость, – он говорит, – одной части пророчества не делает в какой-либо степени недействительным доказательство пророчества, которое является результатом появляющегося заключения от тех других частей, которые понятны. Ведь здесь случай, очевидно, такой же, как если бы те части, которые не понятны, были утеряны или не написаны вообще, или написаны на неизвестном языке. Независимо от того, обращают ли на это наблюдение внимание или нет, оно настолько очевидно, что едва ли можно заставить себя привести пример в общих вопросах, чтобы проиллюстрировать его» [1]. Он продолжает: «Хотя человек может быть неспособен к исследованию из-за недостатка знаний или возможностей, или из-за того, что он не обратил свои исследования таким образом, чтобы судить о том, были ли полностью исполнены отдельные пророчества, однако, он может увидеть, в целом, что пророчества были исполнены до какой-то степени, чтобы на очень хорошем основании быть убежденным предвидением более чем человеческим в тех пророчествах и тех событиях, предназначенных для их исполнения. По той же самой причине, но из-за недостатков в гражданской истории и различных взглядов историков, даже самый знающий не может констатировать, что такие части пророческой истории были исполнены в мельчайших подробностях и повсюду; однако же, очень сильное доказательство предвидения может возникнуть из того общего завершения пророчеств, которое было сделано в этой книге; части пророчества должны служить таким же его доказательством, как и его Даритель».

6.

Он иллюстрирует это подобным примером басни и скрытой сатиры. «Человек может быть уверен, что он понял, что автор имел в виду в басне или притче, рассказанной без какой-либо связи с моралью, просто потому, что его видение ситуации поддается такому приложению, а мораль может быть естественно выведена из нее. И он может быть полностью уверен, что такие лица и события были задуманы в сатирическом сочинении просто потому, что это

⁸³ Мф.2:15.

⁸⁴ Евр.10:5.

⁸⁵ Ис. 7:14.

⁸⁶ Евр. 1:6.

было применимо к ним. И, согласно последнему замечанию, он мог бы быть в значительной мере удовлетворен этим, хотя и не был достаточно осведомлен о делах или об истории тех лиц, чтобы понимать такую сатиру. Ибо его удовлетворение от того, что он понял значение, задуманный автором смысл этих произведений, в той мере, в какой он увидел общий поворот событий, подходящий для такого применения, и в той мере, в какой он увидел количество конкретных вещей, подходящих для такого приложения». И на основании этого он делает заключение, что если известный ход событий или история такой персоны, как Христос, оказывается в целом отвечающей пророческому тексту, то это и становится вполне правильной интерпретацией этого текста, несмотря на трудности в деталях. И такое правило интерпретации допускает в параллельном случае очевидное применение доктринальных цитат, когда определенное вероучение, которое утверждает, что оно было выведено из Откровения, рекомендуется нам на крепких априорных основаниях и не обнаруживает никакой сильной оппозиции к священным текстам.

Тот же автор замечает, что первое толкование пророчества не является настоящим возражением против второго, когда однажды имеет место то, что кажется вторым толкованием; и подобным образом, интерпретация догматических текстов может быть буквальной, точной и достаточной, хотя, несмотря на это, возможно, она не охватывает всего того, что действительно является значением этих текстов в полном объеме; также более полное толкование, если это так, может быть менее удовлетворительным и точным, чем толкование текста и узком смысле. Таким образом, если протестантское толкование шестой главы [Евангелия от] Святого Иоанна было верным и достаточным для этого документа (чего я, конечно, не допускаю), оно все равно не может мешать католической интерпретации, которая, как минимум, абсолютно совместима с текстом, являющим высший смысл и единственно правильным. В таких случаях оправдание лучшей и более возвышенной интерпретации лежит в некоторой априорной вероятности, такой, как Вселенское согласие [Catholic consent]; а основанием узкой интерпретации является контекст и правила грамматики; и в то время как критический комментатор утверждает, что священный текст не должен означать больше, чем буква, те, кто придерживается более глубокого взгляда на него, утверждают, как Батлер в случае пророчества, что мы не имеем никакого права ограничивать смысл слов, которые есть не человеческие, но божественные.

7.

Теперь это всего лишь упражнение, заключающееся в проведении параллелей в рассуждении, чтобы интерпретировать предшествующую историю учения через его состояние в более позднее время, чтобы учесть, что оно предполагает более позднее раскрытие, согласно божественному намерению; ревностно злобствовать, отказываясь дополнить священный текст для исполнения пророчества, – это то же самое, что предъявлять претензии к Доникийским свидетельствам в эпоху Никейских или Средневековых доктрин и обычаев. Когда «Я и Отец – Одно»⁸⁷ есть убедительное доказательство единства Христа с Отцом, дискутирующие еретики не понимают, почему эти слова должны быть взяты, чтобы означать более чем единство воли. Когда утверждается, что «сие есть Тело Мое»⁸⁸, это служит основанием для превращения хлеба в Тело Христово, но они объясняют эти слова как фигуру речи, потому что такое объяснение для них – самая очевидная интерпретация. И подобным образом, когда католики побуждают следовать словам Святого Григория, еретики им говорят, что эти слова есть лишь риторика; или, когда упоминают слова Святого Климента о Чистилище, еретики говорят, что это, пожалуй, был Платонизм; или, когда католики упоминают речь Оригена о молитвах к Ангелам и достоинстве Мучеников, им говорят, что это есть лишь образец его неортодоксальности; или, когда католики упоминают возведение Святого Киприана на кафедру Петра, еретики говорят,

⁸⁷ Ин. 10:30.

⁸⁸ Мф. 26:26.

что это не нужно рассматривать более чем фигурально или абстрактно; или, когда католики упоминают об общем доказательстве духовных полномочий Рима во времена первых христиан, еретики им говорят, что это явилось лишь результатом его преходящего величия; или, когда католики упоминают речь Тертуллиана о Предании и Церкви, еретики им говорят, что он принял юридическую точку зрения по этому вопросу; таким образом, раннее состояние и очевидность каждой доктрины, соответственно, должны были последовательно интерпретироваться посредством того развития, которое, в конечном счете, и произошло.

8.

Кроме того, поскольку, как выше было показано, вместе доктрины составляют единую религию, то из этого следует, что несколько доказательств, которые, соответственно, поддерживают эти доктрины, принадлежат одному целому и должны быть поставлены на общую основу, и все они нуждаются в защите. Совокупность слабых доказательств составляет сильное доказательство, один сильный аргумент придает убедительность побочным аргументам, которые сами по себе слабы. Например, что касается чудес в Священном Писании или в Церкви, «число тех, кто несет с собой свое собственное свидетельство сейчас, и которые верят в чудеса ради них самих, невелико, но они являются основанием, на которое мы опираемся» [2]. Кроме того, никто не считает необходимым, прежде чем принять Евангелие от Матфея, найти первичные свидетельства для каждой его главы и каждого стиха: когда доказано, что только часть существовала в древние времена, то и существование целого было доказано, так как часть есть лишь доля целого; и когда целое доказано, оно может дать приют тем частям, которые по какой-то случайной причине имеют меньше доказательств своей древности. Кроме того, достаточно было бы доказать, что Святой Августин знал итальянскую версию Священного Писания, показав, что он цитировал ее несколько раз. И точно также, общепризнано, что доказательство наличия Второго Лица в Боге значительно облегчает бремя доказательства, необходимое для веры в Третье Лицо; и что, поскольку Искушение является в некотором роде коррелятом вечного наказания, то, очевидная сформированность первой доктрины, фактически является доказательством для второй. Таким образом, протестантский полемист чувствовал бы, что он мало что сказал, кроме как о предзнаменовании своей победы, чтобы склонить оппонента к опровержению трансубстанциональности, если тот все еще твердо придерживается обращения к Святым, Чистилищу, Семи Таинствам и учению о заслугах; и он, защищая свою группу, даже слишком мало осудил поклонение Господу, Верховенству Рима, приемлемость безбрачия, тайну исповеди, Причастие под одним видом и традиции, если тот все еще ревностно относится к учению о Непорочном Зачатии.

9.

Принцип, на основании которого сделаны эти замечания, имеет поддержку некоторых из самых авторитетных английских богословов. Епископ Батлер, например, который так часто цитировался здесь, на основании этого принципа рассуждает от имени самого Христианства, хотя и признает, в то же время, тот недостаток, который вследствие этого лежит в основе боготокровенной системы. «Предполагаемые доказательства, – он замечает, – являясь прибавлениями, не только преувеличивают свидетельство, но множат его. И я не стану никого разубеждать, если он думает иначе. ... Истинность нашей религии, подобно истинности вообще, должна оцениваться по всем свидетельствам, взятым вместе. И если целый ряд предметов, которые могут быть утверждены в каком-либо доказательстве, и каждый конкретный предмет в нем, как можно разумно предположить, не были случайными (поскольку здесь подчеркивается доказательство в пользу Христианства), тогда истинность доказана; подобным образом, если в каком-либо общем случае многочисленные произошедшие события приводились бы как доказательство какого-либо другого оспариваемого события, истинность оспариваемого события была бы доказана не только в том случае, если бы какое-либо из случившихся событий само по себе ясно подразумевало это доказательство, но и если бы ни одно из них не подразумевало его по

отдельности; но если бы все эти события, взятые вместе, не могли бы разумно предполагаться случившимися, тогда оспариваемое событие не было бы истинным.

«Очевидно, какие преимущества природа этого доказательства дает тем особам, которые нападают на Христианство, особенно в беседе. Ибо легко показать коротко и живо, что такие-то и такие-то вещи могут быть предметом возражения, что одно или другое само по себе является малозначительным; но невозможно показать таким же образом единую силу всего доказательства в одном воззрении». [3]

Подобным образом, г-н Девисон осуждает тот «порочный метод рассуждения», который представляет «недостаточность доказательства в его нескольких ветвях как достаточное возражение»; который управляет «исследованием так, чтобы казалось, что если отдельные аргументы неубедительны, то мы имеем ряд исключений из истин религии вместо ряда благоприятных предположений, усиливающихся с каждым шагом. Последователя скептицизма учат, что он не может вполне быть уверен в одном или другом мотиве веры, что каждый из них ненадежен, и результат обманывает его, что мотивы веры должны быть отброшены один за другим, вместо того, чтобы быть соединены и скомбинированы» [4]. Ни одна работа, возможно, в таком небольшом объеме не дает больше примеров нарушения принципа рассуждения, который описан в этих цитатах, чем трактат Барроу о Верховенстве Римского Папы.

10.

Замечания этих двух авторов касаются обязанности сочетать доктрины, принадлежащие к одному корпусу, и свидетельства, относящиеся к одному предмету; и мало кто станет оспаривать это абстрактно. Применение этого принципа здесь состоит в следующем: там, где доктрина рекомендуется нам сильными предпосылками своей подлинности, мы обязаны принять ее без подозрений и использовать ее как ключ к доказательствам, к которым она апеллирует, или к фактам, которые она пытается систематизировать, каким бы ни было наше окончательное суждение о ней. Недостаточно также ответить, что голос нашей конкретной Церкви⁸⁹, отрицающей этот так называемый Католицизм, есть априорная вероятность, которая перевешивает все другие, и претендует на наше повиновение, преданно и без рассуждений, ее собственной интерпретации. Это, конечно, может служить оправданием для отдельных людей в том, что у них зародились сомнения, появилось недоверие к католическому вероучению, но это только перекладывает вину на конкретную Церковь, Англиканскую или иную, которая считает себя способной привести в исполнение столь императивный приговор против одного единственного преемника, наследника и представителя Апостольской школы [Католической Церкви].

§ 2. Состояние доказательства

Бэкон известен тем, что разрушил авторитет метода рассуждения, очень похожего на тот, который представлен в этой главе. «Тот, кто не практикуется в сомнении, – он говорит, – но стремится к утверждению и основанию таких принципов, которые считает дарованными, заданными и очевидными, и, согласно установленной на основании этих принципов истине, принимает или отвергает все, в зависимости от того, совпадает оно или противоречит им, пригоден только, чтобы смешивать и путать вещи со словами, разум с безумием и мир с басней и выдумкой, но не для того, чтобы интерпретировать деяния природы» [5]. Однако он стремился приложить эти способы рассуждения к тому, что должно быть строгим исследованием, что находится в области материального; именно здесь он может беспрепятственно порицать эти методы рассуждения; но не стоило пытаться (что невозможно) изгнать их из истории, этики и религии. Материальные факты присутствуют; они отражаются в чувствах, а чувства могут быть удовлетворительно проконтролированы, откорректированы и проверены. Доверять чему-либо,

⁸⁹ Англиканской Церкви.

кроме чувства, в вопросе о чувстве иррационально; почему чувства даны нам лишь для того, чтобы вытеснить менее определенных, менее непосредственных информантов? Мы прибегаем к разуму или авторитету для определения фактов, когда чувства подводят нас; но с чувств мы начинаем. Мы устанавливаем происхождение, мы формируем частности, мы абстрагируем, мы теоретизируем на основе фактов; мы не начинаем с предположения и догадки, и тем более, не обращаемся к традиции прошлых веков или распоряжениям чужеземных учителей, чтобы определить, что находится в наших руках и перед нашими глазами.

Но иначе обстоит дело с историей, факты которой отсутствуют; иначе обстоит дело с этикой, в которой явления более тонкие, более близкие и более личные для индивидов, чем другие факты, и не вписываются в какой-либо общий стандарт, согласно которому все люди могут принять решение о них. В таких науках мы не можем опираться на простые факты, как бы мы этого ни хотели, потому что у нас их нет. Мы должны делать все возможное с тем, что нам дано, и искать помощи с любой стороны; и в таких обстоятельствах мнения других людей, традиции веков, предписания авторитетов, предшествующие предзнаменования, аналогии, параллельные случаи и тому подобные вещи, на самом деле, не произвольно взятые, но, подобно свидетельствам от чувств, просеянные и тщательно исследованные, очевидно, приобретают большую ценность.

2.

И далее, если мы исходим из гипотезы, что милостивое Провидение снабдило нас средствами достижения той истины, которая нас касается, в различных предметах, хотя и различными инструментами, тогда возникает простой вопрос, что за инструменты являются подходящими в каждом конкретном случае. Если они являются предуготовленными для нас Божественным Покровителем, мы можем быть уверены, что они приведут нас к истине, каковы бы они ни были. Менее точные методы рассуждения, возможно, делают Его работу так же хорошо, как и более совершенные, если Он благословляет их. Он может благословлять априорные вероятности в этических вопросах, как благословляет опыт и поиск в искусстве медицины.

И если разумно рассматривать медицину или архитектуру, или инженерное дело, в известном смысле, как божественные искусства, как божественно предопределенные средства получения нами божественного благоденствия, то гораздо более божественной может быть названа этика; что же касается религии, то она прямо утверждает, что является методом посвящения себя Ему и познания Его воли. Если же Его милостивая цель состоит в том, чтобы мы изучали это, то средства, которые Он предоставит для изучения, многообещающи они или нет на человеческий взгляд, достаточны, потому что они принадлежат Ему. И какими являются эти средства в это данное время или для данной особы, зависит от Его воли. Он может предписать просто молитву и послушание для одних людей, как инструмент для достижения ими тайн и заповедей Христианства. Он может руководить другими людьми через письменное слово, необходимое, как минимум, для некоторых стадий их пути; и если официальный фундамент, на котором Он основал Свои откровения, имеет, как это и есть, исторический и философский характер, тогда априорной вероятности, впоследствии подтвержденной фактами, будет достаточно, чтобы привести нас безопасно к сущности, или, как минимум, к источнику тех откровений.

3.

Более того, в предметах, которые предполагают нефизическое доказательство, в таких, я имею в виду, как история, античность, политология, этика, метафизика и теология, которые в высшей степени таковы, и особенно в теологии и этике, априорная вероятность может иметь реальный вес и убедительность, которых она не имеет в экспериментальной науке; и зрелый государственный деятель или богослов может обладать способностью получать доказательства путем особых привычек своего ума, которые редко в той же степени даются исследователям материального мира, имеющих для целей своего специфического исследования очень высокий

уровень. И это последнее замечание, как минимум, подтверждает лорд Бэкон, который признается: «Наш научный метод не очень зависит от тонкости и силы ума, но лежит на уровне почти любой способности к пониманию»; [6] хотя, безусловно, существуют науки, в которых гениальность – это все, и правит всем.

4.

Было бы большой ошибкой полагать, что, поскольку этот выдающийся философ осудил предположение и предписание в исследовании фактов, внешних для нас, данных нам и являющихся общими для всех нас, следовательно, авторитет, традиция, правдоподобие, аналогия и тому подобное являются простыми «идолами пещеры» или «театра» в истории или этике. Здесь мы можем противопоставить ему автора его направления, столь же великого, каким является он сам. «Опыт, – говорит Бэкон, – безусловно, лучшая демонстрация, при условии, что он проверен в эксперименте; ибо перенесение его на другие вещи, оцениваемые одинаково с ним, ошибочно, если оно не сделано с большой аккуратностью и точностью» [7]. Нибур объясняет или поправляет его: «Примеры не являются доказательствами, – утверждает он, исследуя малопонятный вопрос Римской истории, – примеры не являются доказательствами, но в истории едва ли обладают меньшей силой, прежде всего, там, где они показывают параллель в прогрессивном развитии установлений» [8]. Здесь этот проницательный автор определяет истинный принцип исторической логики, в то время как он иллюстрирует его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.